

РКП(б) И ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА. 1919–1925 годы

© 2020 г. Н.С. Лебедева^{1*}, Н.Г. Терехова^{2**}

¹*Канд. ист. наук, хабилитированный доктор истории (Польша),
главный научный сотрудник ИВИ РАН*

²*Общество изучения наследия А. Грамши (РФ), аспирант-соискатель ИВИ РАН*

*lebedevaivi@mail.ru

**natgenter@gmail.com

В статье рассматривается политика РКП(б) и Коммунистического интернационала в отношении Польши в 1919–1925 гг., центральным событием которой стала советско-польская война летом 1920 г. Проанализирована также проблематика, связанная с ослаблением влияния партии, созданной Р. Люксембург.

The article considers the policy of the Russian Communist Party (Bolsheviks) and the Communist International towards Poland in 1919–1925, the central event of which was the Soviet-Polish War in the summer of 1920. The article also analyses the problematics related to the weakening of the influence of the party created by Rosa Luxemburg.

Ключевые слова: Р. Люксембург, КРПП, РКП(б), Коминтерн, мировая революция, советско-польская война 1920 г.

Keywords: Rosa Luxemburg, Communist Workers Party of Poland, Russian Communist Party (Bolsheviks), Comintern, world revolution, Soviet-Polish War of 1920.

DOI: 10.31857/S0869544X0011088-9

История польской секции Коминтерна (КИ) неизменно привлекала к себе внимание исследователей, особенно в конце 50-х и в 60-е годы XX в., когда были реабилитированы многие польские коммунисты, погибшие в сталинских застенках, и появилась возможность писать о деятельности «партии расстрелянных» [1–12]. Однако идеологическая обусловленность и цензурные ограничения наложили негативный отпечаток на эти работы. В годы перестройки появились более благоприятные возможности для объективного освещения истории Коминтерна и его секций, включая Коммунистическую партию Польши (КПП) [13–19]. Но объем источников по этой проблематике все еще оставался ограниченным, а круг историков, допущенных в святая святых — Центральный партийный архив, весьма узким.

Открытие для исследователей архива Коминтерна в 1992 г. неизмеримо расширило документальную базу исследований. Институт всеобщей истории РАН

и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) подготовили и выпустили в свет многотомное издание документов Третьего интернационала [20–24]. Появились и отдельные статьи, посвященные теме «Коминтерн и Польша» [25–29]. Начальному этапу в деятельности КИ были посвящены общие работы [30], однако специальных исследований по истории польской секции все еще немного, притом, что количество документов, отложившихся в РГАСПИ, весьма значительно. Интерес к 20-м годам прошлого века обусловлен чередой столетних юбилеев: революционных потрясений в России 1917 г., основания Третьего интернационала в 1919 г., а также событий 1920 г., связанных с советско-польской войной или «броском на Варшаву», как ее порой называют.

Военный конфликт между молодой Советской республикой и соседним, в равной мере недавно вновь обретшим независимость государством¹, стал значимым водоразделом в истории международных и двусторонних советско-польских отношений, в военной истории и в истории Коммунистического интернационала.

Коминтерн можно считать общественной организацией лишь с большими оговорками. С момента основания в марте 1919 г. он был призван служить действенным орудием Советского государства на международной арене. И все же Третий интернационал объединил вокруг себя и многие общественные силы и организации, которые искренне стремились преобразовать мир. Когда же надежды на мировую революцию рухнули, была сделана ставка на укрепление СССР как единственного оплота коммунистического движения, притом что многие понимали антидемократический характер его общественного строя.

Как известно, Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП, с 1925 г. — КПП) была основана 16 декабря 1918 г. активистами левого крыла Польской социалистической партии (ППС-левицы) и партии Розы Люксембург² — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). В то же время в России находилась многочисленная польская диаспора, многие представители которой поддерживали большевиков: бывшие политзаключенные, освобожденные в феврале 1917 г.; мобилизованные в царскую армию поляки; возвратившиеся из Швейцарии вместе с В. И. Лениным польские революционеры и др. Они вошли в польскую секцию РКП(б), во главе которой стояло Польское бюро при ЦК РКП(б). В 1919–1920 гг. его секретарем являлся Стефан Бродовский-Братман³, член СДКПиЛ с 1903 г., один из ее руководителей в 1906–1917 гг. В январе 1918 г. он предложил создать Революционный военный совет Польши для подготовки восстания польских рабочих и координации поддержки России [20. С. 128–129].

КРПП же была тесно связана с германскими левыми социал-демократами (спартаковцами) [29. Р. 81–88]. В официально оформившуюся в 1916 г. группу «Интернационал» наряду с Карлом Либкнехтом⁴, Розой Люксембург, Фран-

¹ Польское государство было восстановлено в ноябре 1918 г. и получило название Вторая Речь Посполитая или Польская Республика.

² Люксембург Роза (1871–1919) — уроженка Польши, видный теоретик марксизма, экономист, публицист, стояла у истоков революционной польской социал-демократии, влиятельный деятель германского и польского рабочего движения, активно выступала с антивоенных позиций, для чего организовала «Союз Спартака».

³ Братман-Бродовский Стефан (1880–1937) — участник революции и Гражданской войны, впоследствии советский дипломат. Арестован в июле 1937 г., вскоре расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁴ Либкнехт Карл (1871–1919) — адвокат, выступал защитником российских революционеров на судебных процессах в Германии. Один из вождей левого крыла немецкой социал-демократии, основатель СДПГ. Ярko и последовательно выступал с антимилитаристских позиций, в декабре 1914 г. стал единственным депутатом Рейхстага, голосовавшим против военных кредитов. Был убит во время подавления восстания, организованного «Союзом Спартака».

цем Мерингом входили Юлиан Мархлевский⁵, Лео Йогихес (Тышка) и другие польские революционеры. Именно эта группа сформулировала цель создания нового социалистического интернационала и определила его задачи.

В ноябре 1918 г. разразилась революция в Германии и Австро-Венгрии, в конце декабря была создана Компартия Германии (КПГ). Задача объединения усилий революционных сил разных стран стояла достаточно остро. Тем не менее оставались и сомнения, поскольку кроме РКП(б), КПГ и КРПП сложившихся компартий было очень мало. Роза Люксембург направила в Москву программный манифест «Что хочет “Союз Спартака”?». В ее «Рукописи о русской революции», написанной осенью 1918 г. в тюрьме, выразилось несогласие с большевиками, прежде всего по вопросу о демократии [32. С. 341]. Ограничение свободы неизбежно приведет к затуханию жизни в советах, бюрократизации власти и одичанию общества, считала она.

После гибели Розы Люксембург, Карла Либкнехта и Лео Йогихеса лидеры РКП(б) полагали, что главные их оппоненты, способные воспрепятствовать установлению полного контроля большевиков над будущей международной организацией, исчезли с политической сцены. Однако взгляды этих выдающихся деятелей разделяли такие руководители КПГ, как Клара Цеткин⁶, Пауль Леви⁷, Генрих Брандлер, а также лидеры КРПП Мария Кошутская (Вера Костшева)⁸, Адольф Варский⁹, Юлиан Мархлевский, Хенрик Лауер-Бранд, Эдвард Прухняк¹⁰, Хенрик Валецкий¹¹ и др. Они вслед за Р. Люксембург и Л. Йогихесом выражали определенные сомнения в своевременности создания Коммунистического Интернационала и пребывания его в Москве под опекой РКП(б).

В то же время большинство бывших членов СДКПиЛ и членов польской секции РКП(б) ратовали за скорейшее создание Третьего интернационала. С. Петковский, Ю. Лещинский (Ленский), С. Бобинский были в числе организаторов так называемого Малого интернационала [7. С. 390–391]. Руководству КРПП, в свою очередь, приходилось считаться с тем, что основные финансовые средства поступали для их партии от ЦК РКП(б). В результате оно поддержало предложение В. И. Ленина о создании Коминтерна. Председатель заграничного бюро КРПП Ю. Мархлевский принял в январе 1919 г. участие в совещании по созыву

⁵ Мархлевский Юлиан (1866–1925) – революционер, организатор КИ и МОПРа.

⁶ Цеткин Клара (1857–1933) – известный деятель международного коммунистического движения, входила в число основателей КПГ, активистка борьбы за права женщин, депутат Рейхстага с 1920 г. После прихода Гитлера к власти эмигрировала в СССР, где вскоре умерла.

⁷ Леви Пауль (1883–1930) – адвокат, один из руководителей группы «Спартак», принимал участие в организации возвращения в Россию В. И. Ленина с соратниками в 1917 г. Глава КПГ с 1919 по 1921 г., протестовал против «наступательной стратегии» КИ. Во время съезда Социалистической партии Италии, на который он был послан в январе 1921 г. в качестве представителя Коминтерна, стал свидетелем исторического раскола, приведшего к учреждению компартии Италии, в связи с чем в ИККИ им была направлена критическая записка. Зачастую проявлял независимость взглядов, что привело к его исключению из партии.

⁸ Кошутская Мария (Костшева Вера) (1876–1939) – учительница, деятель польского рабочего движения, теоретик и руководитель КПП, с 1929 г. жила в СССР, в августе 1937 г. арестована, погибла в тюрьме. Реабилитирована в 1956 г.

⁹ Варский Адольф (1868–1937) – организатор Союза польских рабочих, один из создателей СДКПиЛ. В 1926 г. избран в Сейм от КПП. С 1929 г. проживал в СССР, в 1937 г. арестован и расстрелян.

¹⁰ Прухняк Эдвард (1888–1937) – слушатель ленинской школы в Лонжюмо, участник Февральской и Октябрьской революций, член ЦК компартии Польши, член Президиума ИККИ. Арестован в мае 1937 г., через два месяца расстрелян в Лефортовской тюрьме. Реабилитирован в 1957 г.

¹¹ Валецкий Хенрик (1872–1937) – член ЦК КРПП, проживал в СССР, член Интернациональной контрольной комиссии КИ, редактировал журнал «Коммунистический Интернационал». В июне 1937 г. арестован, приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

учредительного конгресса Коминтерна. Его подпись под воззванием совещания «К первому съезду Коммунистического Интернационала» стоит непосредственно за подписью Ленина. В воззвании указывалось: «Нижеподписавшиеся партии и организации считают настоятельно необходимым созыв первого конгресса нового, революционного Интернационала» [20. С. 83–90]. Представитель же КПГ это воззвание не подписал. Более того, Гуго Эберлейн (Макс Альберт)¹² прибыл на учредительный конгресс новой международной организации с предписанием ЦК КПГ возражать против незамедлительного основания Коминтерна. В связи с этим открывшийся 2 марта 1919 г. в Москве форум решено было считать конференцией. ЦК КРПП же предоставило Иосифу Уншлихту¹³, будущему заместителю Феликса Дзержинского по ВЧК, право представлять его на учредительном конгрессе КИ. Делегат от КРПП, как и представители ряда других стран, поддержал предложение Ленина о незамедлительном создании Третьего интернационала и помог убедить Эберлейна воздержаться при голосовании за данное предложение. Это позволило объявить конференцию Первым конгрессом Коминтерна, принять Манифест «К пролетариям всего мира» и другие документы [20. С. 105–113; 31. Ф. 488. Оп. 1. Д. 5а. Л. 40–46; 34. С. 21–216].

В июне 1919 г. ЦК КРПП сообщил в Москву о принятом им решении присоединиться к Коминтерну [31. Ф. 466. Оп. 1. Д. 3. Л. 19; 35. С. 701]. Однако за год существования КРПП не смогла стать сколько-нибудь влиятельной силой в своей стране, продолжая действовать в глубоком подполье и оставаясь, по существу, узкой сектой. Об этом, в частности, свидетельствовало письмо ЦК КРПП в ЦК РКП(б) от 14 января 1920 г. В нем сообщалось о разрухе в стране, полицейском терроре, массовых арестах членов КРПП, включая четырех членов ЦК и около 200 ее функционеров. В ЦК партии в стране работали лишь семь человек, в подпольной типографии – 13. Продолжали действовать 16 городских организаций, в сельской местности – 16 окружных и 84 уездных. 241 человек получали жалование из бюджетных средств партии, которые составляли 855 тыс. марок на год [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 6–8]. Из этого и ряда других сообщений явствовало, что ни о каком революционном выступлении масс в Польше в обозримом будущем речь идти не могла, и единственным средством установить там власть коммунистов является «красная интервенция», в частности, об этом шла речь в записке С. Бродовского о положении в Польше и Восточной Галиции [20. С. 163–166].

Этот путь представлялся руководителям Коминтерна и Советского государства весьма заманчивым и потому, что Польша, с их точки зрения, могла быть либо мостом, либо баррикадой для будущей пролетарской революции в Германии, пролога мировой революции. Презумпция революционной целесообразности главенствовала в их сознании над международным правом, отвергавшимся как классово чуждое, буржуазное. Это касалось и финансирования подрывной работы, в том числе в польской армии. 27 февраля 1920 г. в докладе Польского бюро при ЦК РКП(б) предлагалось «усилить до последней

¹² Эберлейн Гуго (1887–1841) – один из основателей КПГ и Коминтерна, близкий и доверенный человек В. И. Ленина. Участник конгрессов КИ, депутат ландтага Пруссии, в 1933 г. бежал во Францию. В 1937 г. был вызван в Москву, арестован, приговорен к 15 годам лагерей, расстрелян в октябре 1941 г. В 1956 г. реабилитирован.

¹³ Уншлихт Иосиф (1870–1938) – член СДКП и ВКП(б), в 1917 г. член Петроградского ВРК, с 1921 г. – заместитель председателя ВЧК – ГПУ Ф. Э. Дзержинского. Занимал ряд высоких должностей в советских военных органах, начальник Главного управления воздушного флота, организовал ряд добровольных оборонных обществ, среди которых самым массовым был ОСОАВИАХИМ. В июне 1937 г. арестован, обвинен в принадлежности к контрреволюционной «Польской организации войсковой» (ПОВ). Год спустя расстрелян на полигоне «Коммунарка». В 1956 г. реабилитирован.

возможности» революционную агитацию в польской армии, особенно через КРПП. «Нам известно, что они страдают от недостатка средств. Необходимо послать им деньги по возможности скорее. Дорога через фронт очень опасна (деньги часто пропадают) и длительна. Необходимо использовать дорогу через Германию», — указывалось в этом документе. [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 5].

На открывшейся 3 мая 1920 г. первой конференции КРПП рассматривался вопрос об отношении к парламентаризму и участию в выборах в сейм, которыми долгое время пренебрегали. Конференция приняла резолюцию в связи с наступлением польской армии на Украине, указав на необходимость выступить на защиту Советской России от посягательств польского и международного империализма. Подчеркивалось, что образование в Польше республики Советов рабочих депутатов соответствует коренным интересам трудящихся [7. С. 394]. В середине мая Исполком ЦК КРПП назначил Ю. Мархлевского представителем партии в Коминтерне.

Руководство КРПП надеялось, что Красной армии удастся прорвать польский фронт, нанести поражение польской армии, что создаст благоприятные условия для восстания в тылу и захвата власти коммунистами. Выдавая желаемое за действительное, оно сообщало в Москву, что в Галиции крестьяне дожидаются прихода Красной армии как спасителя [20. С. 172]. В то же время ЦК КРПП предупреждал Москву, что наступление следует предпринимать лишь в том случае, если можно рассчитывать на успех. Рекомендовалось не переходить границу этнической Польши, поскольку это, несомненно, вызовет новый бурный всплеск национализма не только среди крестьян, но и у значительной части рабочих. В этом случае «коммунизму на многие годы был бы нанесен тяжелейший удар» [19. С. 17]. Этот прогноз оказался пророческим, но им пренебрегли.

Несмотря на падение советских республик в Баварии и Венгрии и ослабление активности пролетарских масс в Центральной Европе, к середине 1920 г. революционный энтузиазм буквально захлестнул Коминтерн и его секции, включая КРПП. Руководители Коминтерна и Политбюро ЦК РКП(б), стремясь «прощупать красноармейским штыком» Польшу, и не только ее, не ограничились изгнанием польских войск из пределов Украины, отдав приказ двигаться на Варшаву. 12 июля В. И. Ленин писал И. С. Уншлихту: «Польские армии совершенно разваливаются». Позднее, выступая в сентябре 1920 г. с отчетом на IX конференции РКП(б), В. И. Ленин рассказывал: «Мы решили использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши [...]. Мы сформулировали это не в официальной резолюции, записанной в протоколе ЦК [...]. Но между собой мы говорили, что мы должны штыками пощупать: не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?» [20. С. 198]¹⁴.

¹⁴ Отвечая на данное высказывание Ленина, член ЦК РКП(б) и ИККИ К. Радек заметил: «Теперь т. Ленин показывает новый метод собирания информации: не зная, что делается в данной стране, он посылает туда армию. Я спрашиваю, товарищи, неужели у нас нет других методов, при помощи которых мы могли бы получить те же самые результаты в смысле ознакомления с положением в стране? Владимир Ильич доказывал, что мы узнали о положении в Германии и Англии при помощи щупанья штыками. Если бы Владимир Ильич имел больше времени, чтобы читать иностранные газеты, то он и без штыка узнал бы, что в Германии корниловцы за нас [...] В основе нашей ошибки лежала переоценка зрелости революции в Центральной Европе» [20. С. 202–203]. Радек Карл (1885–1939) — род. во Львове, вырос в Польше. С 1902 г. — социалист, примыкал к левому крылу СДПГ, после ссоры с Р. Люксембург исключен из партии. Эмигрировал в Швейцарию. После Октябрьской революции прибыл в Петроград, где возглавил Отдел внешних сношений ВЦИК. Участвовал в работе учредительного съезда КПГ. Считал, что ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии пролетариат не стоял накануне революции, полагал несвоевременным это вторжение Красной армии в Польшу.

Днем ранее, 11 июля, министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон направил советскому правительству ноту, в которой требовал остановить наступление Красной армии за линию Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Устилуг, заключить перемирие с Польшей, которая отведет свои войска за эту линию. На следующий день Ленин информировал Сталина, Уншлихта и ряд других лиц об этой ноте и предложил ускорить «бешеное усиление наступления» [36. С. 237–238; 37. С. 378].

13 июля Сталин в ответной телеграмме сообщил, что польские армии совершенно разваливаются и от полного распада поляки не скоро оправятся. «Вы совершенно правы, говоря, что у нас хотят вырвать из рук победу [...]. Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому, чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции», – писал он [39. С. 142, 143].

15 июля ответ Ленину направил и Уншлихт, возглавлявший Реввоенсовет Литовско-Белорусской республики и одновременно являвшийся членом РВС Западного фронта. Его предложения не исключали переговоров в Лондоне. На случай, если ко времени подхода к «линии Керзона» договоренности достигнуты не будут, а восстания трудящихся Польши не произойдет, он полагал, что Красная армия должна будет продолжить наступление на территории Польши, вооружая рабочих и батраков, создать временный военно-революционный комитет и провозгласить уничтожение помещичьей собственности и национализацию фабрик. «Дальнейшее пребывание наше в Польше обуславливаем волей рабочих и крестьян», – указывалось в его письме [39. С. 144–145]. Состоявшийся в Москве пленум ЦК РКП(б) 16 июля принял решение отвергнуть посредничество Англии и продолжить наступление Западного фронта по территории Польши.

На втором конгрессе Коминтерна (19 июля – 7 августа 1920 г.) верх взяли левые настроения, хотя, готовя его, Ленин и намеревался предотвратить обострение «детской болезни левизны в коммунизме» [40].левой ориентации придерживался и возглавлявший ЦК КРПП В. Ковальский-Гжех. Эта точка зрения нашла отражение в подробных инструкциях, направленных польской делегации на конгрессе. В кулуарах данного форума висела карта военных действий в Польше, по которой делегаты следили за стремительным продвижением красных частей. В решениях конгресса указывалось, что задача Коммунистического интернационала «состоит теперь в том, чтобы ускорять революцию» [20. С. 17]. Хотя вопрос о переходе Красной армией границ Польши конгресс Коминтерна не рассматривал, принятые им резолюции укрепили позиции тех, кто выступал за советизацию не только Польши, но и Германии, Финляндии, Италии, Венгрии, Чехии, Румынии, а также высказывался за создание конфедерации из советизированных стран [20. С. 182–184]. В дни работы международного форума 23 июля 1920 г. Ленин уже со всей определенностью писал Сталину в Харьков: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно. Сообщите ваше подробное заключение» [33. С. 35]¹⁵.

¹⁵ См. также письмо В. И. Ленина И. Уншлихту от 12 июля [23. С. 53–54].

На следующий же день Сталин направил Ленину свои соображения. Он писал: «Теперь, когда мы имеем побежденную Польшу и более или менее сносную Красную Армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается передышки в пользу Польши [...], — в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрить революцию в Италии. [...] Мы можем теперь и должны вести политику наступления, если мы хотим сохранить за собой инициативу во внешних делах, которую мы завоевали недавно. Поэтому на очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)» [31. Ф. 558. Оп. 1. Д. 551. Л. 3—4; 39. С. 148].

30 июля 1920 г. в Белостоке был создан Временный революционный комитет Польши, в который вошли Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон¹⁶ и др. В его задачу входили установление власти на территории, занятой Красной армией, и издание декретов, которые бы содействовали советизации Польши. Однако в середине августа после перехода польской армии в наступление пришло отрезвление. Патриотический подъем в стране привел к молниеносному разгрому Красной армии и пленению более 100 тыс. красноармейцев [41].

В самой Польше начались массовые аресты коммунистов и сочувствующих им, роспуск левых профсоюзов. «По всем данным события застигли партию врасплох», — писал 5 августа Дзержинский Ленину. Он указал, что за р. Нарев отношение населения к Красной армии крайне враждебное, крестьяне угоняют скот, лошадей. На занятых красноармейцами территориях фабрики стоят, снабжение армии и рабочих городов наладить не удалось [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 17]. 11 августа он же информировал Л. Троцкого и ЦК РКП(б) о том, что вся военная сила Белостока и округа состоит из 70 человек. Единственный отряд, находившийся там, накануне был отправлен на фронт. Дзержинский потребовал в срочном порядке отправить для охраны Польшревкома батальон ВЧК [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 21]. Тем не менее, надеясь на изменение военной ситуации к лучшему, 17 августа он советовал Ленину затягивать переговоры с поляками, направив к ним опытного дипломата А. А. Иоффе [31. Ф. 17. Д. 210. Оп. 86. Л. 26.]¹⁷.

Председатель ВЧК полагал, что одной из причин того, что крестьянство не оказало поддержки коммунистам, стали ошибки в аграрной политике партии. 7 сентября комиссия ИККИ в составе Ю. Мархлевского, Н. И. Бухарина и И. И. Скворцова-Степанова утвердила тезисы по аграрной политике. В них предлагалось экспроприировать помещичьи земли, передав их в ведение фольварочных комитетов, убедить крестьян, что их земли — это неприкосновенная их собственность, не призывать **пока** к разделу земель богатых крестьян [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 27—29] (выделено нами. — *Н.Л., Н.Т.*). Дзержинский же считал, что помещичьи земли надо отдать крестьянам, чтобы обеспечить их поддержку новой власти.

¹⁶ Кон Феликс (1864—1941) — польский революционер, был сослан в Сибирь, долго жил в Иркутске, Минусинске, Туве, где занимался этнографическими и антропологическими исследованиями коренных народностей. С 1907 по 1917 г. — в эмиграции в Швейцарии. Вернулся в Россию вместе с Лениным. Комиссар Харьковской губернии по польским делам, член коллегии польского бюро при ЦК РКП(б), член Польшревкома, сменил В. М. Молотова на посту председателя ЦК КП Украины, от имени СССР им подписан первый мирный договор. Летом 1922 г. участвовал в показательном процессе над социалистами-революционерами в Москве. Возглавлял газеты «Красная звезда», журнал «Мурзилка», затем занимал должность заведующего сектором искусств Наркомпроса, был первым председателем Всесоюзного комитета по радиовещанию. Скончался во время эвакуации из Москвы.

¹⁷ См. также пункт 1 протокола Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1920 г. «О Польше» [23. С. 57].

Польская кампания Красной армии нанесла колоссальный урон идее мировой революции, усилила неприязнь и недоверие подавляющего большинства поляков к ее восточному соседу [42]. IX конференция РКП(б) признала военные и иные ошибки, но не подвергла сомнению необходимость идти с оружием в руках, чтобы «помочь» польским и другим рабочим установить рабоче-крестьянскую власть. Не желая признать в корне неправильной политику в отношении Польши летом 1920 г., Сталин, Ленин, Троцкий, Каменев пытались взвалить ответственность друг на друга, а также на несознательность польских рабочих, на бездействие КРПП. К. Ворошилов писал С. Орджоникидзе о жестоких боях с «проклятой темной Польшей», подчеркивая, что совершенно сознательно употребил это выражение. «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к “русским”», — указал он [39. С. 156]. «Несмотря на полную неудачу первого случая, нашего первого поражения, мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца», — заявил Ленин. Его критик К. Радек, в свою очередь, считал: «Движение растет быстро. Если завтра вспыхнет революция в Италии, то она может коренным образом изменить положение в Европе. Я отнюдь не говорю, что в продолжении зимней кампании или весной перед нами не встанет ситуация, когда надо будет решительно идти напролом не для шупанья, а для того, чтобы помочь рабочей революции на Западе» [20. С. 199, 203]¹⁸.

В резолюции конференции РКП(б) от 22 сентября 1920 г. по поводу доклада представителя КРПП вопреки фактам констатировалось, что передовые рабочие Польши «вполне признали поддержку вооруженной рукой дела советизации Польши и не делали ни малейших уступок, ни национализму, ни пацифизму» [20. С. 205].

Попытки Коминтерна и его секций и в дальнейшем продолжить безоглядное наступление на мир капитала окончились полным провалом. В сентябре 1920 г. потерпело поражение движение итальянских рабочих за захват фабрик и заводов; в октябре в Румынии армия и жандармерия подавили всеобщую политическую забастовку; не достигла своих целей и всеобщая стачка в декабре в Чехословакии. В марте 1921 г. было потоплено в крови выступление рабочих в Средней Германии, в апреле захлебнулась, не достигнув своих целей, забастовка английских углекопов.

Все это лишь усилило реформистские настроения в рабочем классе, укрепило позиции партий Второго интернационала. Волна репрессий обрушилась на компартии, большинство из которых вынуждены были уйти в подполье. В Польше в тюрьмы были посажены более семи тысяч коммунистов и сочувствующих им. В этих условиях руководство РКП(б) и ИККИ разработало новую стратегию и тактику, рассчитанную не на штурм, а на длительную осаду старого мира. Для этого требовалось прежде всего завоевать большинство рабочего класса на свою сторону.

---

¹⁸ Бухарин же в статье «О наступательной тактике», опубликованной в декабрьском номере (№ 15) журнала «Коммунистический Интернационал», писал: «Если современная буржуазия прекрасно помогает друг другу и не гнушается принимать эту помощь, то как же интернациональный пролетариат может отказаться от вмешательства в интересах социализма и его победы? [...] С другой стороны, раз “вмешательство” уже началось (началась внешняя “советизация”) коммунистические партии обязаны ее поддержать со всей энергией. Иначе простая измена и дезертирство с поста [...]. Революция может победить только как мировая революция. Мы это твердили тысячу раз. Поэтому всякая возможность ускорить крах капитализма в других странах есть революционная необходимость».

Провал попытки советизировать Польшу с помощью Красной армии побудил и руководство КРПП приступить к более тщательной и кропотливой работе по расширению влияния в массах. На второй конференции КРПП в феврале 1921 г. впервые был поставлен вопрос о союзниках пролетариата в революции. Тем не менее ППС по-прежнему рассматривалась как агентура буржуазии в рабочем движении. У руководства партии остались В. Ковальский-Гжех, В. Дмовский и другие представители левого крыла партии. В то же время в делегацию КРПП на третьем конгрессе Коминтерна, проходившем с 22 июня по 12 июля 1921 г., вошли и сторонники борьбы за привлечение на сторону коммунизма большинства рабочего класса (А. Варский, Х. Валецкий, Э. Прухняк, Ю. Мархлевский и др.). Поражение на конгрессе сторонников «тактики наступления» тем не менее не означало торжества реального курса на сотрудничество с социал-демократическими партиями. Цель заключалась лишь в том, чтобы, проникнув в их низовые организации и профсоюзы, расположить к себе массы рабочих. Планировалось интенсифицировать работу и среди других слоев населения, прежде всего крестьянства. 3 декабря 1921 г. ИККИ, обсудив польский вопрос, предложил немедленно выпустить воззвание в связи с подготовкой польскими властями чрезвычайного закона против коммунистов [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 1. Л. 31].

После третьего конгресса Ки внутри КРПП продолжилась острая борьба по вопросам стратегии и тактики. Ультралевая группировка Слюсарского – Гжеха, отрицавшая необходимость использования буржуазного парламента, отвергла саму идею сотрудничества с социал-демократами, выступила против НЭПа в Советской России. И все же вопреки ей в начале 1922 г. ЦК КРПП одобрил в принципе тезисы ИККИ о тактике единого фронта, но выступил категорически против каких-либо переговоров и соглашений с ППС и другими партиями социал-демократического толка [31. Ф. 461. Оп. 1. Д. 32958. Л. 804–807]¹⁹.

Вновь вопрос обсуждался на третьей конференции КРПП в апреле 1922 г. На этот раз коммунисты несколько изменили абсолютно негативное отношение к возможности сотрудничества с другими политическими партиями рабочего класса. По их инициативе 1 мая в ряде промышленных центров были проведены совместно с ППС демонстрации рабочих в поддержку единого фронта и решений Берлинской конференции исполкомов трех Интернационалов. Вскоре после этого «левые» обратились в ИККИ с обвинением ЦК КРПП в оппортунизме. Для рассмотрения их письма на IV конгрессе Коминтерна была создана польская комиссия, в которую вошли Христо Кабакчиев²⁰, Евгений Варга²¹, Иосиф Уншлихт, Карл Радек, Отто Куусинен. Они отвергли обвинения «левых» как не подтвержденные фактами из деятельности ЦК КРПП и противоречащие

¹⁹ См. также резолюцию конференции КРПП об отношении к парламентаризму и участию в выборах в сейм (ранее 13 сентября 1921 г.) [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 20–24]. Валецкий и Мархлевский были назначены представителями КРПП в ИККИ и в Исполком Профинтерна [31. Ф. 495. Оп. Д.1. Л. 69].

²⁰ Кабакчиев Христо (1878–1940) – историк, журналист, член партии «тесных социалистов», секретарь Болгарской коммунистической партии. В январе 1921 г. Ки направил его для участия в съезде Социалистической партии Италии (именно тогда коммунистическая фракция образовала ИКП). Участвовал в Сентябрьском восстании 1923 г. в Болгарии, был арестован. После освобождения с 1927 г. проживал в СССР, работал в Институте марксизма-ленинизма, в Институте истории АН СССР.

²¹ Варга Евгений (1879–1964) – член левого крыла Венгерской социал-демократической партии, экономист. После установления советской власти в Венгрии в 1919 г. стал народным комиссаром финансов. После разгрома бежал в Советский Союз, где активно участвовал в работе Коминтерна, руководитель Статистико-информационного института ИККИ в Берлине (Бюро Варги). С 1927 по 1947 г. – директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

документам. «То, что названные товарищи считают проявлением оппортунизма и ликвидаторства в политике ЦК КРПП, есть начало применения польским ЦК тактики Коминтерна [...] Критику [со стороны] тов. Слюсарского и поддерживающих его товарищей надо считать направленной против политики Коминтерна, принятой третьим и четвертым съездами», – говорилось в решении комиссии [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 264. Л. 40–43]²². После августовского отчета о состоянии дел в КРПП Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение ассигновать польской компартии 50 тыс. золотых рублей в валюте [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 9–19; Ф. 558. Оп. 2. Д. 40. Л. 1]. 19 декабря 1922 г. ИККИ направил очередное письмо «левым», в котором снова осудил позицию Слюсарского и его сторонников как ошибочную и противоречащую позиции Коминтерна. «Тактика единого фронта, примененная в Польше, тактика единого пролетарского фронта, выработанная в период между третьим и четвертым конгрессами и подтвержденная решениями IV конгресса, является одной из важнейших задач Коммунистической партии Польши», – указывалось в нем [44. С. 246]²³.

Что же побудило ИККИ и ЦК РКП(б) на следующем, V конгрессе КИ, проходившем 17 июня – 8 июля 1924 г., обрушить на руководство КРПП буквально шквал обвинений в оппортунизме и других смертных грехах? Дело в том, что лидеры польских коммунистов, находившиеся в Москве, не раз занимали самостоятельную позицию, выступали против отнюдь не демократических методов Политбюро ЦК РКП(б) и председателя ИККИ Григория Зиновьева, расправлявшихся с неугодными Кремлю деятелями германской, французской, итальянской и других коммунистических партий – секций Коминтерна [45. С. 187, 188; 29. Р. 79]. Их заступничество в отношении деятелей иностранных компартий, хотя и вызывало раздражение, тем не менее не стало поводом для ожесточенных нападков на польских лидеров. 18 октября 1923 г. Сталин в связи с обсуждением на заседании Политбюро вопроса об отношении Польши и других к Германии в случае революции в этой стране написал: «Коппа задержать. Поляков изолировать. Латышей купить (и запугать). Румын купить. А с поляками подождать» [23. С. 208, 233–239].

Однако стоило последним высказаться против сталинских методов борьбы с неугодными деятелями в самой РКП(б), как последовала жесточайшая реакция. 23 декабря 1923 г. пленум ЦК КРПП направил в ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б) письмо. В нем выражалась не только озабоченность по поводу ошибок ИККИ в германском вопросе, в том числе инспирирование им двух провалившихся путчей в 1921 и 1923 гг. в Германии, но и несогласие со сталинскими методами осуждения оппозиции в РКП(б), в первую очередь Л. Д. Троцкого. Подчеркивалось при этом, что ЦК КРПП не поддерживает политическую линию Троцкого, но считает важным отстаивать право коммунистов на дискуссию, на высказывание и иных мнений, чем те, которые выражают Сталин – Зиновьев – Каменев. Польские лидеры полагали целесообразным обсудить нездоровую ситуацию в РКП(б) на предстоящем пятом конгрессе Коминтерна [29. Р. 85].

²² См. также резолюции мартовского пленума ЦК КРПП и резолюцию от 17 ноября по поводу ареста польского депутата Рыбацкого [31. Ф. 495. Оп. 123. Л. 1–16; 41].

²³ 7 августа 1923 г. Сталин писал Зиновьеву, что не следует подталкивать КПГ к решительным действиям, ибо их разобьют. Но уже 20 сентября он считал, что «революция назрела, надо взять власть». В протоколе Политбюро от 4 октября 1923 г. уже назначался срок восстания в Германии – 9 ноября и направлялась в Германию «четверка» [23. С. 160]. Однако события развивались вопреки расчетам Сталина.

21 января 1924 г. в Президиум ИККИ было направлено заявление польской делегации в ИККИ, подписанное Эдвардом Прухняком, относительно политических тезисов ИККИ о событиях в Германии в октябре 1923 г. Признавая ошибки представителей правого крыла Компартии Германии, таких как К. Цеткин, Г. Брандлер, А. Тальгеймер, В. Пик и др., польские товарищи подчеркнули, что эти люди составляют самое старое, испытанное и закаленное ядро партии. Они выступили против их травли «левыми коммунистами»: «Травля эта нередко противоречит духу большевизма и носит демагогический характер». Определенная ответственность за октябрьский путч в Германии возлагалась и на ИККИ [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 263. Л. 6–9].

Выступая на пятой конференции Компартии Западной Украины (КПЗУ), Вера Костшева так объяснила намерения ЦК КРПП: «В этих письмах была высказана тревога за судьбу РКП, ввиду того характера, которая приняла дискуссия. ЦК КРПП написал письмо против заострения дискуссии, а также против того, чтобы дискуссия велась в направлении, которое могло бы сделать невозможным дальнейшее сотрудничество тов. Троцкого и тов. Радека в Коминтерне и ЦК РКП. По вопросам чисто организационным ЦК КРПП стоит на точке зрения ленинизма». Однако в решении конференция КПЗУ отметила, что ЦК КРПП занял неопределенную позицию по вопросу о дискуссии в РКП(б), «в действительности поддержав оппозицию» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 264. Л. 76].

Как справедливо указал польский историк Феликс Тых, Сталин, имевший в это время все основания рассчитывать на победу в битве за ленинский «трон», опасался, как бы Коминтерн не стал независимым от Политбюро ЦК РКП(б) органом и не смог вмешиваться в его усилия добиться неограниченной власти [23. С. 233–239. 29. Р. 86]. По настоянию Сталина, на V конгрессе Коминтерна, проходившем 17 июня – 8 июля 1924 г., была создана специальная польская комиссия под его личным председательством. Она заседала с 1 по 5 июля 1924 г. [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–38; Д. 246. Л. 1–53; Д. 249. Л. 1–72]. Открыл ее первое заседание И. Уншлихт, который намеревался огласить резолюцию ИККИ о КРПП, чтобы задать тон дискуссии. Однако Сталин, стремясь создать впечатление беспристрастного разбирательства, предложил вначале выслушать представителей двух направлений в КРПП. От «левых» первым выступил Ю. Ленский (Лешинский), подчеркнувший, что резолюция ИККИ, которая осуждает оппортунистические ошибки КРПП, предрешила решение вопроса. Он указал, что Компартия Польши должна перестать быть барьером между революционным ленинизмом России и революционным ленинизмом Запада. Чтобы этого достичь, считал он, необходимо: 1) выправить политическую линию коммунистов Польши; 2) дать ответ на кардинальные вопросы тактики; 3) сделать так, чтобы революционная тактика проводилась не на словах, а на деле. Ленский высказался за создание здорового, большевистского хребта партии, подготовку революционных кадров и обеспечение революционного (т.е. «левого») руководства партией [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–14; 43].

Ленского поддержал Л. Скульский, указавший, что он и его сторонники не одобрили декабрьское и январское письма ЦК КРПП в Политбюро ЦК РКП(б) и ИККИ по русскому и германскому вопросам. На мартовском же пленуме ЦК КРПП пришел к пониманию того, что им совершена огромная политическая ошибка [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 16–25].

С обвинениями в адрес всей Компартии Польши выступили и представители Украины в ИККИ Николай Скрипник и Александр Шумский, а также ЦК КПЗУ. В заявлении Костшевой, Прухняка, Валецкого и Варского от

26 июня подчеркивалось, что они разделяют тактическую линию ИККИ, положенную в основу доклада Зиновьева, что именно эта линия проводилась компартией в Польше, что она нашла воплощение в тезисах, одобренных пленумом ЦК КРПП в марте 1924 г. [31. Ф. 492. Д. 243. Л. 34].

Нападки «левых» (Ю. Лещинского, Л. Домского, З. Осинской, Я. Дмовского, Г. Рваля) на авторов заявления стали особенно острыми еще в начале 1924 г. Рваль, в частности, писал в ИККИ в марте, что их партия стоит вместе с Г. Брандлером в лагере ликвидаторов и таким же лагерем ликвидаторства в России. «Это опасность, о которой недостаточно сигнализировать, но против которой необходимо бороться беспардонно», — подчеркнул он [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 38]. Варский, выступая на заседании польской комиссии 1 июля 1924 г., в очередной раз заявил, что они никогда не поддерживали Троцкого и всегда солидаризировались с позицией ЦК РКП(б). В то же время он напомнил о выступлениях Розы Люксембург против методов российской Октябрьской революции. Ведь она восставала против всего того, что составляло систему в большевистской революции, высказывалась против решений большевиков в национальном и аграрном вопросах, выступала против разгона Учредительного собрания, против организационной структуры партии. «И вот мы были тем, чем была Роза Люксембург, мы ее духовные дети. То, что переживала она, переживала вся наша партия», — сказал он [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 26–38]. Но именно это и не устраивало Сталина, Зиновьева и их сторонников.

Костшева в заявлении на Польской комиссии V конгресса Коминтерна поблагодарила Сталина за попытку разобраться во внутренних вопросах КПП и выявить ее больные места. Она признала, что в их работе было много недочетов, поскольку они долгое время оставались вне Польши. Но упрек в том, что они были якобы «польским отделением оппортунистической группировки или тенденций в русской и германской партиях» она назвала безосновательным. «Во-первых, что касается русского вопроса. Тут я должна прежде всего отвести раз навсегда то, что говорилось о нашей мнимой дипломатии. Если тов. Зиновьев позволил себе с трибуны Коминтерна такие выходки по отношению к нам, то это лишь доказывает, что он нас недостаточно знает, недостаточно оценивает. Как председатель Коминтерна он все-таки должен был лучше знать тех, кто долгое время руководил партией и лучше должен был их оценивать. Я не стану здесь полемизировать с утверждениями о перемене нашей ориентации и указываемых тут ее причинах, ибо я считаю вообще этот тон по отношению к нам недопустимым. Мы говорили и прежде, и теперь именно без дипломатии то, что нам диктовало глубокое убеждение. Теперь еще раз о наших разногласиях. Тов. Сталин говорил о нас как о сентиментальных людях, которые вообще боятся борьбы и которые хотят, чтобы все было шито-крыто. Плохо попали, товарищ. Кто так, как я, пережил три раскола, знает превосходно, что такое борьба в партии. Мы не раз боролись не на жизнь, а на смерть, с товарищами, которые стали для нас потом бывшими товарищами. Боролись затем без шуток и в коммунистической партии. И если тут тов. Шумский, например, заявляет, что недостаток нашей партии именно то, что у нас никогда не было острой борьбы, то это доказывает только то, что этот товарищ любит говорить о том, о чем не имеет ни малейшего представления. Мы здорово боролись прежде всего из-за аграрного вопроса». Костшева нашла в себе смелость заступиться за Троцкого, которого не считала оппортунистом, но личностью, в силу неординарности, не сумевшей усвоить большевизм. Она остановилась и на пассивности германского пролетариата. «Говорить только о вине Брандлера или Радека — это значит мешать тому, чтобы пролетариат учился на основании тяжелого опыта и сделанных ошибок.

Тот поворот, который теперь сделал Коминтерн, вполне идет по той линии, которой мы придерживаемся и которую мы наметили уже на нашем мартовском пленуме. И если тов. Молотов думает, что нам не нравится V конгресс в смысле этого выпрямления линии и сделанного тактического поворота, то он ошибается», — указала она [31. Ф. 492. Д. 258. Л. 1—9].

После Прухняка, Костшевой, Валецкого выступили Молотов и Сталин. Молотов счел нужным отделить сокрушительную критику руководства КРПП от оценки деятельности всей партии. Он указал, что Скрыпник и Шумский перешли все допустимые границы в нападках на партию в целом, и подчеркнул, что, несомненно, за последние годы партия выросла «вопреки плохому руководству». В основных тактических вопросах партия заняла более правильную политическую линию, то же касается и программных вопросов. Молотов не согласился и с критикой в адрес депутата сейма от КРПП Стефана Круликовского левым коммунистом В. Домским, указав, что выступления последнего по национальному вопросу вряд ли приемлемы для большевика. Тем самым он невольно засвидетельствовал, что замена «левых» в руководстве партией сторонниками А. Варского пошла ей на пользу [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 13—15].

Сталин же не стал прибегать к камуфляжу. Он заявил со всей категоричностью, что прения в польской комиссии установили факт, что польская партия переживает ненормальное положение, внутри нее кризис, она больна и причина ее болезни в грехах лидеров этой партии. Председатель комиссии подчеркнул, что русский вопрос имеет решающее значение для всего революционного движения как на Западе, так и на Востоке. «Почему, — задал он вопрос и сам ответил, — потому что советская власть есть база, это оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, то есть в СССР, власть начинает колебаться, значит, все революционное движение во всем мире должно потерпеть какой-то минус [...]. Колебание, ослабление дисциплины, разлад внутри партии, стоящей у власти, это есть колебание власти, это расшатывание основ, опоры революционного и международного движения, которое называется у нас советской властью» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 22—25]²⁴.

Говоря о значении германского вопроса, Сталин отметил, что победа революции в Германии будет означать ее победу во всей Европе. Только Германия может взять на себя инициативу в этом отношении и революционизировать Европу. Преемник Ленина обвинил польскую, германскую, французскую и английскую партии в том, что они в перестройке революционной работы скатились на парламентские рельсы. А ведь еще совсем недавно, на III и IV конгрессах КИ делегатов подвергали жесткой критике именно за то, что их компартии не уделяли внимание завоеванию масс, не участвовали в парламентских выборах и не использовали парламенты как трибуну для агитации.

Демагогическое по сути выступление Сталина подействовало на большинство польских делегатов V конгресса Коминтерна, многие из которых были практическими работниками и слабо разбирались в вопросах большой политики. Вопреки существующему порядку Бюро ЦК КРПП по предложению Сталина было избрано лишь членами делегации, многие из которых не были членами Центрального Комитета. В результате в бюро ЦК КРПП попали только представители «левых» (В. Гржегожевский, Л. Скульский, А. Краевский, Казик,

---

²⁴ В. Костшева, отвечая Сталину, отвергла его обвинения. Она считала, что Троцкого надо не отталкивать, а связать с большевизмом, что для руководства РКП и Коминтерна опасны не люди, которым можно поломать кости, но те, у кого «вовсе нет костей» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 258. Л. 1—9].

Беньковский). Представителем в ИККИ стал Гржегожевский, его заместителями В. Богущкий и от КПЗУ – Недобытый.

В резолюции польской комиссии было записано: «ЦК КРПП, политически руководимый группой Варского, Костшевой и Валецкого, оказался, при всей своей революционности на словах, не способным проводить на деле революционную линию КИ. Проводимая им политика, которая лишила партию революционной боеспособности, являлась продолжением оппортунистических традиций и навыков руководящей группы ЦК, навязавшей партии свою позицию. Используя свое исключительное положение по отношению к нелегальной партии и являясь ее единственными информаторами по вопросам интернациональной политики, эти товарищи вводили партию в заблуждение относительно тактической и организационной линии Коминтерна, в частности, РКП и КПГ, дабы сделать из партии орудие правых элементов в КИ. В особенности же они скрыли перед партией действительное положение в РКП и свою деятельность в пользу оппозиции, несмотря на понимание громадной важности этого вопроса для международного рабочего движения» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 73–74; Д. 270. Л. 6–7].

Комиссия приняла решение обратиться к КРПП с открытым письмом ИККИ «Ко всем членам партии Польши»; экстренно созвать конференцию КРПП для «выпрямления» политической линии партии в духе постановлений Коминтерна, разрешения очередных задач партии и обновления состава ее ЦК [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–10].

В письме ИККИ, адресованном членам КРПП и тщательно отредактированном самим Сталиным, указывалось, что группа вождей их партии бросила свое влияние на чашу весов оппозиции против РКП, а значит, и против Советской власти. «Эта группа, руководившая до сих пор деятельностью Центрального Комитета Компартии Польши, борясь с линией Коминтерна, сделала невозможной проведение на практике революционной тактики большевизма», — указывалось в этом документе [31. Ф. 558. Оп. 1. Д. 762. Л. 4; 15. С. 386]²⁵.

Видный деятель германского и международного рабочего движения Август Тальгеймер, подводя в одной из статей итоги рассмотрения V конгрессом Коминтерна польского вопроса, указал, что ЦК КРПП стоял по существу на линии ЦК РКП(б), но пытался играть роль посредника в конфликте с Троцким, Радеком и смягчить его острие. «На этой почве произошел кризис польского руководства, причем внезапно группа старейших товарищей в польском движении (Варский, Прухняк, Костшева, Валецкий), руководившие до сих пор партией, оказались оппортунистами или правыми, а остальные оказались «левыми», включая сюда заграничных товарищей из «левой» оппозиции, не имевших до сих пор никакого влияния» [31. Ф. 324. Оп. 1. Д. 588. Л. 53–54].

Чешский коммунист Карел Крейбих, в свою очередь, отмечал, что Варский, друг Розы Люксембург, Валецкий и другие до кризиса в русской партии считались лучшими коммунистами и никто не мог их даже заподозрить в оппортунизме или ставить под сомнение их верность коммунизму. «В русском вопросе они целиком одобряли конкретную линию ЦК, но пытались в конфликте между ЦК и Троцким сыграть роль посредников, улаживающих дело. Этого оказалось достаточно, чтобы удалить их как оппортунистов из ЦК польской партии, передав его целиком в руки “левых”» [31. Ф. 324. Оп. 1. Д. 588. Л. 126–127].

²⁵ 24 декабря 1924 г. была утверждена смета расходов ИККИ. В ней КПГ выделялись на год 1 млн 35 тыс. золотых рублей, Компартии Франции 600 тыс., КПП – 240 тыс., КП Италии – 180 тыс., КП Чехословакии – 90 тыс. [23. С. 286].

Чтобы избежать каких-либо осложнений с КРПП, Политбюро ЦК РКП(б) 3 января 1925 г. приняло решение создать «для руководства польской партийной конференцией» комиссию, включив в нее Дзержинского, Уншлихта, Зиновьева, Рыкова, Сталина и Бухарина. Комиссии поручалось рассмотреть все данные о состоянии движения в Польше, особенно на ее окраинах, и доложить в Политбюро [27. С. 11].

На третьем съезде КРПП, проходившем с 14 января по 5 февраля 1925 г. под бдительным присмотром учрежденной Политбюро ЦК РКП(б) комиссии, главными стали вопросы «большевизации» партии, осуждение троцкизма, тактика единого фронта, работа в деревне и национальная политика. Партия, как бы порывая с прошлым, даже изменила название, и стала именоваться Коммунистическая партия Польши.

Спустя несколько дней ИККИ обратилось в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением наладить в Москве постоянное издание ежемесячного теоретического органа КПП, и 19 февраля 1925 г. оно было поддержано. Журнал был призван обеспечить «устойчивость теоретической линии партии», а также систематическое проведение в жизнь решений V конгресса Коминтерна и III съезда КПП [27. С. 11–12; 38. С. 273–274]²⁶. В совещательный комитет при редакции журнала были введены М. Бронский, С. Бобинский, А. Варский, В. Богуцкий, Ф. Трускер, а в руководство редакции помимо представителя от КИ были представлены Ф. Э. Дзержинский и У. С. Уншлихт²⁷.

Судя по интенсивности, с которой польские вопросы рассматривались руководством партии большевиков [46], и решительным мерам, предпринятым для смещения влиятельных и принципиальных лидеров КПП, польскую секцию КИ можно по праву назвать «слабым звеном» той жесткой, забюрократизированной и весьма ресурсозатратной системы управления левыми политическими движениями в Европе, да и в мире, каким стал Коммунистический интернационал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Коммунистическая партия Польши за антифашистский народный фронт. М., 1935.
2. *Нашковский М.* Непokoйные дни. М., 1962.
3. *Хренов И.* Коммунистическая рабочая партия Польши на путях превращения в партию нового типа (1918–1923) // Из истории польского рабочего движения. М., 1962.
4. *Стецкевич С. М.* Рабочее движение в Польше в 1918–1919 гг. Л., 1966.
5. *Яжборовская И. С.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября 1918–1923. М., 1967.
6. *Яжборовская И. С.* Идеиное развитие польского рабочего движения. М., 1973.
7. *Неволина В. С.* Коминтерн и революционное сотрудничество РКП(б) и КРПП (1918–1923) // СССР и Польша. Интернациональные связи – история и современность. М., 1977. Т. 1.
8. *Тыменецкая А.* Роль КПП и левых социалистических сил в борьбе за дружбу с Советским Союзом в межвоенный период. // СССР и Польша. Интернациональные связи – история и современность. М., 1977. Т. 1.

²⁶ При этом подчеркивалось: «Редакция работает под контролем ЦК КПП». 28 февраля представитель КПП в ИККИ направил письмо Сталину (копию Дзержинскому) с обоснованием необходимости обмена двух арестованных польских офицеров-марксистов на ксендза и польского дипломата с семьей, содержащихся на Лубянке. Ранее офицеры Богинский и Вечоркевич были обвинены польскими властями в организации серии взрывов и приговорены судом к смертной казни. Данная мера была заменена на 15 лет заключения. В письме от 2 апреля польский представитель в ИККИ предлагал развернуть широкую кампанию в связи с их убийством, совершенным в ходе обмена одним из конвоиров, испытывавшим чувство ненависти к коммунистам, в состоянии аффекта. В СССР событие получило широкую огласку, именами погибших были названы несколько улиц [38. С. 301; 31. Ф. 455. Оп. 123. Д. 47. Л. 5, 17].

²⁷ 15 марта 1925 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «О партшколе Компартии Польши» в Москве. Однако в том году партшкола была создана только во Франции.

9. *Tych F., Schumacher H.* Julian Marchlewski. Warszawa, 1966.
10. *Swietlikowa F.* Komunistyczna Partia Robotnicza Polski. Warszawa, 1968.
11. *Rechowisz P.* Konsekwenta Lewica – Komunistyczna Partia Polski. Warszawa, 1972.
12. *Kolebacz B.* Komunistyczna partia Polski. 1923–1929. Warszawa, 1984.
13. *Фирсов Ф. И.* К вопросу о тактике единого фронта в 1921–1924 гг. // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10.
14. *Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С.* Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12.
15. *Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С.* Под диктовку Сталина... (О репрессиях против Коммунистической партии Польши) // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989.
16. *Фирсов Ф. И.* Сталин и Коминтерн // Вопросы истории, 1989. № 9.
17. *Фирсов Ф. И.* Коминтерн: опыт, традиции уроки – нерешенные задачи исследования // Коминтерн: опыт, традиции и уроки. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Коммунистического Интернационала. М., 1989.
18. *Фирсов Ф. И.* Партии и Коминтерн // Коммунист. 1991. № 7.
19. *Tragedia Komunistycznej Partii Polski.* Ed. Maciszewski J. Warszawa, 1989.
20. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. Я. С. Драбкин. М., 1998.
21. Коминтерн против фашизма / Отв. ред. Н. П. Комолова. М., 1999.
22. Коминтерн и Вторая мировая война. В 2 ч. / Составители, авторы вступительной статьи и комментариев Н. С. Лебедева и М. М. Наринский. М., 1994; 1998.
23. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 / Сост. Г. М. Адиебеков, Ж. Г. Адиебеков, Л. А. Роговая, К. К. Щириня. М., 2004.
24. *Фирсов Ф.* Секреты Коммунистического интернационала. Шифропереписка. М., 2011.
25. *Лебедева Н. С.* Коминтерн и Польша. 1939–1943 годы // Международная жизнь. 1993. № 8.
26. Польско-советская война 1919–1920 г. Ранее неопубликованные документы и материалы / Под ред. И. Костюшко и М. Черник. М., 1994.
27. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 / Ред. И. Костюшко. М., 1997.
28. *Lebiediewa N., Mitzner P.* Wyrok na odstepce // Karta. 1994. № 12.
29. *Tych F.* The KPD–KPP Political «Axis» against Zinov'ev – Stalin in the Communist International 1919–1924 // Centre and Periphery. The History of the Comintern in the Light of New Documents / Ed. by M. Narinski and J. Rojahn. Amsterdam, 1996.
30. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн. Первые десять лет. М., 1993.
31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Москва.
32. *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М., 1991.
33. История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки / Отв. ред. А. О. Чубарьян, М., 2002.
34. Первый конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1933.
35. Коммунистический интернационал. 1919. № 5.
36. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений (ПСС). М., 1970. Т. 51.
37. В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 7.
38. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2008.
39. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. документов / Сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1996.
40. *Ватлин А. Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2018.
41. *Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С.,* Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.
42. *Яжборовская И. С., Парсаданова В. С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.
43. Постановления IV всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Петроград, 1923.
44. *Молчанов Ю. Л.* Коминтерн: у истоков политики единого пролетарского фронта. М., 1969.
45. Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стеногр. отчет. Л., 1925. Ч. 1–2.
46. *Ватлин А. Ю.* Взаимоотношения ВКП(б) и Коминтерна в 20-е годы. Автореф. докт. диссертации. М., 1998.

НАЧАЛО ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ ЮГОСЛАВСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА ЗАПАД В 1949 году (ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

© 2020 г. Б.С. Новосельцев

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

bnovoseltsev@yandex.ru

В статье на основе американских архивных данных, относящихся к деятельности ЦРУ и администрации президента Г. Трумана и опубликованных в сети интернет, а также ряда других источников исследуются обстоятельства переориентации внешней политики ФНРЮ в направлении США и других западных стран после советско-югославского конфликта 1948 г.

The article based on American archival data related to the activities of the CIA and the Administration of President Truman and published on the Internet, as well as a number of other sources, examines the circumstances of the reorientation of the foreign policy of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia in the direction of the United States and other Western countries after the Soviet-Yugoslav conflict in 1948.

Ключевые слова. Югославия, США, внешняя политика, Йосип Броз Тито, советско-югославский конфликт.

Keyword. Yugoslavia, USA, foreign policy, Josip Broz Tito, the Soviet-Yugoslav conflict.

DOI: 10.31857/S0869544X0011089-0

Причины, развитие и влияние советско-югославского конфликта (1948), на политику двух государств и на изменения в международных отношениях в начале холодной войны, хорошо изучены в отечественной и зарубежной историографии (см., например [1–7]).

1949 г. ознаменовался дальнейшей эскалацией конфликта и свертыванием многих политических, партийных, экономических и культурных связей между Югославией и СССР, а также странами советского блока. Руководство Коммунистической партии Югославии (КПЮ) настаивало на признании принципа равенства сторон. В свою очередь в Кремле в условиях холодной войны возобладавало представление о необходимости еще больше усилить влияние Советского Союза в социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Такая задача предполагала, в том числе, навязывание этим странам «советской модели» социализма, противостояние возможности распространения там идей «национального коммунизма» и начало чисток в отношении

политических элементов, потенциально враждебных СССР. В этой связи Москва не могла себе позволить пойти на компромисс с югославами и требовала полного принятия своих условий, одним из которых было отстранение от власти маршала Йосипа Броза Тито. Было очевидно, что последнее практически неизбежно привело бы к физическому устранению югославского лидера и связанных с ним политических деятелей.

В Кремле, судя по всему, недооценили устойчивость режима Тито: большая часть югославов (и, что важнее, партийных функционеров, офицеров и силовиков) оказала ему поддержку, меньшая, известная как «информбюровцы», стала политическими эмигрантами, или подверглась репрессиям.

В сложившейся после конфликта обстановке экономического и политического (см., например [8]) давления на Югославию, а также участвовавших военных провокаций на границах [9. I-3-b/664], актуальной внешнеполитической задачей руководства страны стал поиск новых партнеров. Это означало бы прорыв намечавшейся международной изоляции страны и уменьшение опасности возможной советской интервенции. Обстоятельства постепенного «разворота на Запад» руководства ФНРЮ в конце 1940 – начале 1950-х годов также неоднократно привлекали внимание российских и зарубежных историков (см. [1; 10–13]).

Однако открывшийся в последние годы пласт доступных в интернете источников, относящихся к деятельности американских разведывательных служб, побуждает снова обратиться к заданной проблематике в контексте ранее не исследованных материалов. Эти документы представляют собой информационные отчеты и записки оперативных сотрудников Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, а также аналитические материалы, подготовленные в ведомстве. Некоторые из них ранее уже были опубликованы (см., например [14]), однако большая часть пока не введена в научный оборот. Они размещены на сайте ЦРУ в разделе «электронная библиотека» (*Library. Electronic Reading Room*) [15. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/>. Дата последнего обращения: 14.04.2020]. В данный момент там насчитывается более 11 млн страниц. Доступные материалы ЦРУ не ограничиваются исключительно югославскими сюжетами, поэтому как один из возможных источников, они могут быть полезны и для специалистов, занимающихся исследованиями, посвященными другим сюжетам, происходившим в других регионах мира и даже в другие временные периоды.

Итак, в США югославское руководство искало не только поддержку в связи с возможной военной угрозой со стороны Москвы, но и источник финансовой и материальной помощи, а также возможность для развития торговли, что, по всей видимости, в 1949 г. было для него одним из приоритетов.

Интерес американцев к Югославии объяснялся их военно-политической стратегией, известной как Доктрина Трумана. Причем речь здесь шла не только о прямом ослаблении советского лагеря в связи с выходом из подчинения Москвы социалистически ориентированной страны. Югославия на тот момент оказалась единственным в мире социалистическим государством, не находящимся при этом в политической зависимости от советского руководства. Поспособствовав сохранению такого международного положения ФНРЮ, ее выходу из международной изоляции, экономическому росту и повышению уровня жизни, американцы надеялись сделать ее привлекательным образцом для других социалистических стран. В конце 1962 г. в аналитическом документе

ЦРУ, озаглавленном «Политика США в отношении Югославии», основной целью за прошедший период (1948–1961) ретроспективно называлось «поощрение центробежных сил внутри советского блока и способствование либеральной, прозападной эволюции Югославии» [15. US Policy Toward Yugoslavia. 27.12.1962. Режим доступа: www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80B01676R000100110004-7.pdf. Дата последнего обращения: 08.01.2020]. Особенно эффективно «югославский пример» мог сработать в странах Азии, учитывая националистические тенденции, существовавшие в коммунистических партиях Китая и других странах региона.

Кроме того, по оценкам американских военных экспертов, Югославия могла стать важным звеном в системах коммуникаций и обороны стран НАТО на Балканах, Ближнем Востоке и Средней Азии, наряду с Турцией и Ираном. А СССР с утратой Югославии лишался плацдарма, дававшего возможность проводить военные операции на территории Греции (через долину Вардара) и Италии (со стороны Юлийских Альп), и для установления советского контроля в Восточном Средиземноморье и на Адриатике [15. National Intelligence Estimate. The Current Situation in Yugoslavia. NIE-7. 21.11.1950. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A000300010001-5.pdf>. Дата последнего обращения: 12.01.2020].

30 июля 1948 г. руководитель отдела по планированию политики Государственного департамента США, автор небезызвестной «Длинной телеграммы» и один из архитекторов американской политики на начальном этапе холодной войны, Джордж Фрост Кеннан подготовил доклад, посвященный ситуации в Югославии [16. 1948. Eastern Europe. The Soviet Union. Volume IV. Document 702. Paper Prepared by the Policy Planning Staff. The Attitude of This Government Toward Events in Yugoslavia. 30.07.1948. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v04/d702>. Дата последнего обращения: 02.02.2020]. Он был передан в Совет национальной безопасности США (СНБ), и далее уже фигурировал как точка зрения Госдепартамента [10. С. 28].

Этот документ отражал бытовавшую в то время в дипломатических кругах США уверенность в возможности дезинтеграции советской сферы влияния. Конфликт был воспринят как важный (в том числе и для других сателлитов) прецедент эмансипации страны от Москвы, входившей в советскую сферу влияния, что прежде было совершенно невысказано. Дж. Кеннан усматривал в сложившейся ситуации перспективу установления особых взаимоотношений США с Югославией: если Запад и дальше будет холоден по отношению к Тито, Советы смогут использовать это как доказательство того, что коммунистические страны не имеют другого пути, кроме как оставаться внутри блока, убеждал он. Тактика, которой рекомендовалось придерживаться Вашингтону, состояла в сохранении баланса между предоставлением Белграду поддержки и продолжением давления, связанного с выдвиганием требований политического характера, например, по вопросу оказания помощи греческим коммунистическим повстанцам¹. Именно этот вопрос чаще прочих всплывает в доступных источниках американского происхождения (см. [16. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Volume V. Yugoslavia. Documents 521–540. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/ch19>. Дата последнего

¹ С 1946 по 1949 г. Греция находилась в состоянии гражданской войны между правительственными силами, пользующимися поддержкой США и Великобритании, и прокоммунистическими партиями, получавшими помощь от СССР и Югославии.

обращения: 03.11.2019]). Также существовали определенные надежды на изменения югославской позиции по триестскому вопросу² и Каринтии [15. The Yugoslav Dilemma. ORE16–49. 10.02.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78–01617A003400120003–8.pdf>. Дата последнего обращения: 02.02.2020].

6 июля основные положения доклада Дж. Кеннана были утверждены директивой СНБ № 18 и стали официальным руководством к осуществлению политики Соединенных Штатов на югославском направлении.

При этом следует отметить несколько факторов, ограничивавших активность США сразу после начала конфликта 1948 г. Во-первых, на Западе поначалу все же испытывали сомнения в реальности разрыва между Москвой и Белградом. Югославия некоторое время еще продолжала следовать внешнеполитической линии СССР. Например, представители ФНРЮ поддержали по всем вопросам советскую делегацию в ходе Дунайской конференции³, а в решениях V съезда КПЮ (21–28 июля 1948 г.) подчеркивалось, что Югославия принадлежит к социалистическому лагерю [20]. Во-вторых, не было уверенности в прочности позиций Йосипа Броза Тито в Югославии и возможности сопротивляться давлению со стороны СССР и стран Коминформбюро⁴. В случае падения режима Тито, вся та помощь, которая могла быть оказана Югославии, оказалась бы в распоряжении Москвы [16. Volume V. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Document 520. The Charge in the Soviet Union (Kohler) to the Secretary of State. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/ch20>. Дата последнего обращения: 09.10.2019]. В-третьих, в условиях эскалации биполярного противостояния, характерного для рассматриваемого этапа холодной войны и активного конструирования в медиа «образа врага», против предоставления какой-либо помощи ФНРЮ возражала значительная часть политических элит на Западе. «Они исходили из того, что поддержка Югославии, независимо от того, является ли она советским сателлитом или нет, означает поддержку коммунизма в принципе, а этому не может быть никаких оправданий» [12. S. 9]. Также американцы опасались, что чересчур активное сближение с США может подорвать позиции Тито в Югославии: лишить его поддержки ортодоксальных марксистов, входивших в руководство КПЮ. А возможные территориальные уступки Югославии соседним некоммунистическим странам – вызвать враждебность националистически настроенных рядовых членов партии [15. The Yugoslav Dilemma. ORE16–49. 10.02.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78–01617A003400120003–8.pdf>. Дата последнего обращения: 02.02.2020)].

Если же говорить о ЦРУ, то поначалу эта организация, по всей видимости, вообще имела несколько иные инструкции в отношении Югославии: во второй половине 1948 г., т.е. сразу после советско-югославского конфликта, она приступила к заброске на территорию ФНРЮ «агентуры из бывшей буржуазной оппозиции в расчете на свержение коммунистического режима, но уже в феврале 1949 г. эта практика была полностью прекращена» [21 С. 127].

² Сейчас эти территории относятся к хорватской жупании Истрия, Словенскому Приморью и двум итальянским провинциям – Гориции и Триесту. Подробнее о триестском вопросе см. [17–18].

³ Конференция о режиме судоходства на Дунае состоялась в Белграде в августе 1948 года. Она завершилась 18 августа принятием «Конвенции о режиме судоходства на Дунае». См. [19].

⁴ Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947–1956). Международная коммунистическая организация.

В это время настороженное отношение западных стран к Югославии постепенно начало меняться, что было, очевидно, связано с дальнейшим углублением советско-югославского конфликта. По мере развития событий (см., например [22. С. 582–589]) сомнения в том, что между руководством СССР и ФНРЮ действительно произошел разрыв, отпали. Американская разведка пристально следила за внутривластной ситуацией в Югославии и степени устойчивости режима Тито. В «центр» поступали информационные отчеты о том, что военные и прочие силовики полностью контролируются лидером ФНРЮ и действуют в соответствии с его приказами, а также о решительных репрессивных мерах в отношении «информбюровцев» (см., например [15. Yugoslav Army – Communist Party of Yugoslavia Relations. 29.09.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003600250001-8.pdf>. Дата последнего обращения: 08.01.2020; Political Arrests in Yugoslavia. 14.02.1950. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R004300340011-9.pdf>. Дата последнего обращения: 24.03.2020; Yugoslav Air Force Units; Vrsac Paratroop School; Arrest of General Bubanj. 27.04.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82-00457r002600640008-9>. Дата последнего обращения: 24.03.2020]).

Определенную роль сыграла и позиция посла США в Югославии Кавендиша Кеннона⁵. 31 января 1949 г. он отправил в Государственный департамент содержательную телеграмму. В ней утверждалось, что компромисс между Москвой и Белградом невозможен, так как речь идет о конфликте двух фундаментальных принципов отношений между социалистическими странами – принципа «пролетарского интернационализма», на деле предполагавшего максимально возможную ориентацию стран-сателлитов на Советский Союз, и принципа равенства сторон. К. Кеннон настаивал, что у Тито в Югославии не существует серьезной оппозиции, метафорически указывая на то, что среди «вероотступников» его позиции самые сильные со времен Генриха VIII.

Посол подчеркивал, что падение режима Тито будет исключительно в интересах СССР, потому что в этом случае его неизбежно заменит «какое-нибудь орудие Москвы» [16. Volume V. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Yugoslavia. Document 521. The Ambassador in Yugoslavia (Cannon) to the Secretary of State. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/d521>. Дата последнего обращения: 09.10.2019]. В связи с этим он призвал оказать поддержку югославскому правительству, чтобы упрочить его позиции, не требуя взамен никаких уступок и вообще не предъявляя никаких требований [16. Documents 519–521. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/ch19>. Дата последнего обращения: 09.10.2019].

В создавшейся ситуации настаивать на корректировке политического курса Белграда было бессмысленно: она и так происходила в связи с продолжавшимся обострением конфликта с Москвой.

Американский посол встретил поддержку со стороны своего нового босса, государственного секретаря США Дина Ачесона⁶, сменившего 21 января 1949 г. на этом посту прежнего руководителя Госдепартамента Джорджа Маршалла. Ачесон считал, что конфликт между СССР и ФНРЮ необходимо углублять,

⁵ Кавендиш В. Кеннон (1895–1962) – американский дипломат, посол США в ФНРЮ (1947–1949).

⁶ Дин Гудерхэм Ачесон (1893–1971) – американский политик и юрист. Государственный секретарь США (1949–1953). Сыграл важную роль в разработке основ американской политики периода холодной войны.

убеждая югославских руководителей в возможности предоставления солидной американской помощи и подталкивая их к еще большей эскалации отношений с Москвой. Администрация президента Трумана вплоть до истечения его мандата придавала этой проблеме особое значение [6. S. 73].

Одним из главных исключений в решении не связывать политические уступки и заключение экономических соглашений американцы считали проблему оказания Югославией помощи греческим партизанам [15. Daily Summary 1949/04–1949/06. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/06749332>. Дата последнего обращения. 10.02.2020]. Но, судя по всему, ФНРЮ пришлось отказаться от курса на их поддержку не только по этой причине. Поначалу, несмотря на конфликт⁷ с СССР, т.е. наперекор позициям обеих сверхдержав, помощь греческим повстанцам продолжала оказываться. Так, 6–7 декабря 1948 г. в Белград прибыл специальный представитель генерала Маркоса Вафиадиса⁸, главной целью которого было выразить благодарность югославской стороне [15. Greek Rebel Contacts with Yugoslavia. 28.12.1948. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R002200260009-4.pdf>. Дата последнего обращения: 08.01.2020].

Однако в начале февраля 1949 г. генерал Вафиадис был смещен с поста председателя Временного демократического правительства Греции. Заменивший его Никос Захариадис⁹ был известен своими критическими оценками политики Тито и тем, что занял сторону Москвы в советско-югославском конфликте. Такие новости вызвали озабоченность югославского руководства. Было принято решение о задержке поставок вооружений греческим повстанцам. Согласно информации ЦРУ, наиболее решительным сторонником подобных мер в югославском руководстве стал Александар Ранкович¹⁰. По его распоряжению в Грецию была остановлена отправка уже подготовленного груза, содержавшего 20 огнеметов, 100 ящиков с боеприпасами, неустановленное количество стрелкового оружия, легких и тяжелых пулеметов и ручных гранат. Кроме того, как сообщил информатор американской разведки, Ранкович отдал приказ всем югославам, находящимся в рядах греческих партизан, немедленно вернуться в Югославию, используя для этого все возможные пути [15. Yugoslavia Halts Shipments to Greece. 23.02.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R002400300001-5.pdf>. Дата последнего обращения: 08.01.2020]. Отмечу, что прекращение югославской помощи оказало довольно ощутимое влияние на позиции прокоммунистических повстанцев [23. P. 216–219], а гражданская война в Греции завершилась в октябре 1949 г. их поражением.

---

⁷ Более того, считается, что помощь ФНРЮ греческим коммунистам в 1948 г., оказывавшаяся вопреки воле Сталина, стала, наряду с политикой, направленной на включение Албании в состав Югославии и переговорами с Болгарией о создании совместной федерации, теми внешнеполитическими обстоятельствами, которые спровоцировали недовольство Москвы, что привело к возникновению советско-югославского конфликта в 1948 г. См., например [22. С. 569–574].

⁸ Маркос Вафиадис (1906–1992) – греческий коммунист, политический и военный деятель, один из лидеров народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС) в годы Второй мировой войны. Руководитель коммунистической Демократической армии в годы гражданской войны в Греции (1946–1949).

⁹ Никос Захариадис (1903–1973) – греческий политический деятель, генеральный секретарь Коммунистической партии Греции (1931–1956 гг.).

¹⁰ Ранкович Александар (1909–1983) – югославский военный и общественно-политический деятель, член Политбюро ЦК КПЮ (1937–1966), министр внутренних дел Югославии (1946–1966), заместитель председателя Союзного исполнительного вече (1956–1966).

Сложно сказать, до какой степени изменение политики ФНРЮ в отношении помощи греческим партизанам сказалось на принятии решений западными странами, но первые серьезные предметные договоренности с ними о заключении торговых соглашений были достигнуты вскоре после этого. В марте 1949 г. начались югославо-британские переговоры, посвященные подписанию долгосрочного договора о торговле [24]. 31 марта было заключено торговое соглашение с ФРГ, а 21 мая – с Францией. В апреле-мае 1949 г. Югославия подписала торговые протоколы с Норвегией, Швецией и Данией, а немного позже – с Нидерландами, Австрией, Финляндией, Израилем и Египтом [15. Yugoslav Foreign Trade in 1949 and 1950. Foreign Trade in 1949. 25.07.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700070149-8>. Дата последнего обращения: 10.02.2020]. Летом 1949 г. американское правительство дало разрешение на экспорт в ФНРЮ товаров общей суммой на 17 млн долларов, в том числе оборудования для добычи нефти, так необходимого стране в условиях экономической изоляции. В сентябре 1949 г. было официально объявлено о разрешении на продажу Югославии американской стали. В том же месяце стороны достигли значительного прогресса по вопросу предоставления ФНРЮ финансовых займов. Экспортно-импортный банк принял решение удовлетворить югославскую просьбу о предоставлении кредита на сумму 20 млн долларов, а Международный валютный фонд предоставил займ в размере 3 млн долларов [6. S. 103, 108]. Отмечу, что США не торопились давать Югославии правительственные кредиты, поначалу задействуя другие финансовые организации. Не сразу Белград стал получать и безвозмездную американскую помощь, хотя в Государственном департаменте эта идея обсуждалась и прорабатывалась довольно давно, как минимум с февраля 1949 г. [16. Volume V. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Yugoslavia. Document 524. Minutes of the Under Secretary's Meeting. February 14, 1949, 10:00–11:10 A. M. Department of State. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/ch19?start=1>. Дата последнего обращения: 09.10.2019].

26 декабря 1949 г. было подписано югославо-английское торговое соглашение сроком на пять лет, предполагавшее возможность оказания ФНРЮ финансовой поддержки в форме краткосрочных и долгосрочных кредитов. В 1949 г. именно Великобритания превратилась в главного югославского торгового партнера, имея во внешнеторговом балансе ФНРЮ наибольший процент экспорта (19,4%) и импорта (12,8%). И уже следом за ней шли страны на которые исторически, еще с довоенных времен, приходилась львиная доля югославского внешнеторгового оборота: Италия (10,3% экспорта Югославии; 11,7% импорта), Австрия (11% экспорта, 8,8% импорта) и ФРГ (5,6% экспорта, 5,4% импорта) [15. Yugoslav Foreign Trade in 1949 and 1950. Foreign Trade in 1949. 25.07.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700070149-8>. Дата последнего обращения: 10.02.2020]. Также следует отметить увеличение удельного веса товарообмена с США (8% экспорта, 8,7% импорта) и Нидерландами (7% экспорта, 8,7% импорта). В следующем, 1950 г. в связи с рядом достигнутых договоренностей, в югославской внешней торговле резко увеличилась удельная доля США (на них приходилось до 11,1% экспорта ФНРЮ и 20,7% импорта) и ФРГ (10,1% экспорта, 16,2% импорта). Именно эти страны, наряду с Великобританией (19,2% экспорта, 17,7% импорта), Италией (10,9% экспорта, 10,5% импорта) и Австрией (10,1% экспорта, 7,3% импорта) [15. Yugoslav Foreign Trade in 1949 and 1950. Foreign Trade in 1949. 25.07.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700070149-8>. Дата

последнего обращения: 10.02.2020] оставались ключевыми партнерами ФНРЮ в условиях разрыва торговых соглашений с социалистическими странами и попыток экономической блокады Белграда с их стороны.

Таким образом, западные страны продемонстрировали готовность поддержать Югославию на плаву в ситуации экономического давления Москвы¹¹. Так, решением первой сессии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) «Об отношениях с Югославией» «ввиду враждебной политики» ФНРЮ было прекращено предоставление ей кредитов и поставок в счет ранее заключенных кредитных соглашений; торговля ограничивалась закупкой у Югославии лишь важнейших видов стратегического сырья; были сокращены поставки товаров, дефицитных для стран-участниц СЭВ; полностью остановлены поставки вооружений, а также оказание Югославии какой-либо технической помощи [25. Решение 1-й сессии совета СЭВ 26–28 апреля «Об отношениях с Югославией»]. По оценкам ЦРУ наиболее болезненными для югославов стало решение об отказе предоставить ФНРЮ промышленное оборудование, нефтепродукты и техническую помощь. Именно это заметнее всего влияло на возможность реализации пятилетнего плана экономического развития страны. Вместе с этим вполне реальная угроза военной интервенции заставила югославов резко увеличить расходы на оборону (аналитики американского разведывательного управления зафиксировали их рост в 1949 г. на 50%) [15. The Yugoslav Dilemma. ORE16–49. 10.02.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A003400120003-8.pdf>. Дата последнего обращения: 02.02.2020]. Это также негативно сказывалось на возможностях финансирования югославского промышленного роста.

Особенно пострадал импорт в ФНРЮ многих стратегически необходимых для нее товаров, сократившийся многократно: например, на торговлю с СССР в 1948 г. приходилось 10,7% от общего объема югославских закупок за рубежом, а в 1949 г. лишь 1,6%. На чехословацком рынке в 1948 г. ФНРЮ покупала даже больше товаров – 17,5% от общего баланса, а в 1949 г. – 6,2%. Сопоставимо сократился удельный вес и других социалистических стран. Что касается экспорта, то процентная доля югославской продукции, продававшейся в СССР сократилась в три раза (с 15% в 1948 г. до 4,9% в 1949 г.), а в Чехословакии – почти в четыре (16% в 1948 г. и 4,5% в 1949 г.) [15. Yugoslav Foreign Trade in 1949 and 1950. Foreign Trade in 1949. 25.07.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700070149-8>. Дата последнего обращения: 10.02.2020].

Даже более существенной, чем экономические санкции, представлялась угроза вооруженного вторжения с территории одной из сопредельных стран советского блока. Правда, недавний успешный опыт ведения широкомасштабной партизанской войны в горной местности, имевшийся у югославского руководства, очевидно, заставлял советских руководителей задуматься об эффективности возможной военной интервенции.

---

¹¹ Впрочем, активизацию их торговли с Югославией не стоит сводить только к политической составляющей. Например, западных партнеров интересовали богатые югославские месторождения бокситов хорошего качества, обнаруженные к юго-востоку от Триеста. По оценкам ЦРУ это могло превратить ФНРЮ в одного из главных европейских экспортеров этого вида сырья. [15. Information Report. Vauxite Resources in Yugoslavia. Intelligence Memorandum No 199. 22.07.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A000600100001-0.pdf>. Дата последнего обращения: 15.12.2019].

Посол США в Белграде К. Кеннон, исходя из имевшихся у него данных, считал более вероятным вариантом организацию локального конфликта на территории Македонии, представлявшейся ему уязвимой с военно-стратегической точки зрения [16. Volume V. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Yugoslavia. Document 535. The Ambassador in Yugoslavia (Cannon) to the Secretary of State. Belgrade, March 8, 1949 Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/d535>. Дата последнего обращения: 04.11.2019]. Судя по всему, Госдепартамент счел нужным поделиться своими опасениями с югославами. 12 марта 1949 г. посол в Италии Младен Ивекович¹² проинформировал Белград о том, что из американских кругов пришли вести о концентрации советских войск на румынской и болгарской границах, а также о планах по отторжению Македонии от ФНРЮ и созданию независимого македонского государства под протекторатом Болгарии [9. I-3-b/664. Dereša Mladena Ivekovića].

И все же в 1949 г. основной тактикой Москвы было нагнетание напряженности на югославских границах. Туда направлялись диверсионные группы, обнаружение которых часто приводило к стычкам с пограничниками. С 1 июля 1948 г. по 1 сентября 1949 г. югославы зафиксировали 210 вооруженных инцидентов со стороны Албании, Болгарии, Румынии и Венгрии и 69 фактов нарушения воздушного пространства страны [26. S. 378].

Продолжалась и идеологическая кампания против ФНРЮ, в рамках которой с мая 1949 г. в Москве начала выпускаться газета «За социалистическую Югославию». Кроме того, множество статей, содержащих критику режима Тито, появлялось в газете «За прочный мир, за народную демократию», которая была органом Информбюро и издавалась дважды в месяц, а с сентября 1949 г. — еженедельно. Всего югославские эмигранты-информбюровцы выпустили шесть газет для распространения в ФНРЮ, печатавшихся в СССР, Албании, Болгарии, Венгрии и Румынии. На югославскую территорию пропагандистские материалы ввозились с территорий всех сопредельных социалистических стран; вдоль границы были расположены радиостанции, разоблачавшие «клику Тито» [27. С. 364—373.]; листовки и брошюры пытались сбрасывать с самолетов и кораблей¹³.

Стремясь получить какие-то гарантии национальной безопасности и не позволить Москве попытаться решить «югославский вопрос» как «внутреннее дело» в своей сфере влияния, руководители ФНРЮ приняли решение действовать в направлении максимальной интернационализации конфликта и использовать для этого Организацию Объединенных Наций.

На третьем заседании Генеральной Ассамблеи ООН югославская сторона вынесла конфликт с СССР на суд мировой общественности. 24 сентября 1949 г. в речи на пленарном заседании Эдвард Кардель¹⁴ заявил, что «нельзя высту-

¹² Ивекович Младен (1903—1970) — югославский дипломат и общественно-политический деятель, работал послом в Италии и ГДР, заместитель министра иностранных дел ФНРЮ (1956—1958). Председатель Союзного вече Народной скупщины ФНРЮ (1958—1962).

¹³ Например, в декабре 1951 г. с советских кораблей «Харьков», «БФК» и «Молотов» во время того, как они плыли по Дунаю мимо берегов Югославии, были сброшены за борт герметично запакованные контейнеры с пропагандистскими материалами. Также сообщалось, что подобные контейнеры сбрасывались с территории Румынии в воды рек Бега и Тамис. [15. Introduction of Cominform Propaganda into Yugoslavia via Danube, Begej and Tamis rivers. 14.12.1951. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009500470011-8.pdf>. Дата последнего обращения: 08.01.2020].

¹⁴ Кардель Эдвард (1910—1979), — югославский общественно-политический деятель, министр иностранных дел ФНРЮ (1948—1953), заместитель председателя правительства Югославии (1946—1963), председатель Союзной скупщины Югославии (1963—1967), член Президиума Югославии (1974—1979).

пать за невмешательство во внутренние дела других стран и одновременно занимать такую позицию, которую сейчас занимает правительство СССР» по отношению к Югославии. Стремясь перевести вопрос из идеологического в политическое поле, Кардель подчеркнул, что речь идет не об «идеологическом споре», а о «гегемонических выступлениях, направленных против нашей страны, которой не нужно ничего, кроме мира» [26. С. 377–380].

Любопытно, что в материалах ЦРУ осенью 1949 г. именно Э. Кардель, вместе с другим словенцем, А. Беблером¹⁵, назывались одними из самых просоветски ориентированных партийно-государственных деятелей ФНРЮ. Прозападной ориентации, по мнению американских разведчиков, придерживались М. Ивекович и С. Косанович¹⁶. В августе 1949 г. Кардель якобы даже предлагал Тито осуществить чистку югославских дипломатов, ориентированных на Запад, включая Косановича. Как сообщалось, Тито отверг это предложение, отметив, что роль, которую играет Косанович, должна вызывать у всех зависть и уважение, его деятельность в Вашингтоне позволяет закупать американские товары, без чего югославскую экономику ждал бы коллапс [15. Information Report. Views of Yugoslav Government Officials Relative to Yugoslavia's Future Foreign Policy. 16.09.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003300260001-3.pdf>. Дата последнего обращения: 15.12.2019].

Сава Косанович не был типичным югославским дипломатом: коммунистом и выходцем из партизанского движения. Племянник великого Николы Теслы, политик с довоенным стажем (с 1927 г. – генеральный секретарь Независимой демократической партии С. Прибичевича), он в 1920–1930-е годы несколько раз избирался в скупшину и даже успел стать министром в правительстве Д. Симовича (см. [28. С. 87–100]). Во время Второй мировой войны, Косанович жил в США, где рассорился с югославским эмигрантским правительством и прослыл сторонником коммунистических партизан [22. С. 479, 536]. Летом 1944 г. он вошел в состав коалиционного правительства Тито – Шубашича, а позже еще несколько раз был членом югославского правительства и Союзного исполнительного вече. Уникальные жизненный и политический бэкграунд Косановича делали его особой фигурой. В создавшейся после конфликта 1948 г. ситуации он был ориентирован на Запад, но это лишь увеличивало его ценность для югославской дипломатии. Политик старой закалки, он имел фору по сравнению со своими коллегами и в том, что касалось его понимания позиции американцев, и в том, чтобы добиться понимания с их стороны.

В рассматриваемый период Косанович дважды встречался с Тито на Бриони. Посол Югославии в США, он в определенном смысле был одновременно и одним из выразителей точки зрения Вашингтона. В беседах с Тито он отметил, что Штаты не против того, чтобы оказать ФНРЮ помощь, но они хотят определенных экономических гарантий и ослабления антиамериканской пропаганды. Также он указал на возможную посредническую роль Великобритании, желающей во что бы то ни стало не допустить конфликта в Европе. Далее, выражая свою личную позицию, Косанович призвал Тито отказаться от политической непримиримости в отношениях с Западом, которая повлекла за собой

---

¹⁵ Беблер Алеш (1907–1981) – югославский общественно-политический и военный деятель, дипломат. В то время – помощник министра иностранных дел ФНРЮ. Руководитель югославской делегации на Дунайской конференции (1948). Член югославской делегации на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН (1945–1951)

¹⁶ Косанович Сава (1894–1956) – сербский и югославский политический деятель, дипломат, посол ФНРЮ в США (1946–1950).

изоляция Югославии от значительной части стран мира. Он предупредил, что если не выйти из этого тупика — к концу года в стране может начаться гражданская война [15. Information Report. Views of Yugoslav Government Officials Relative to Yugoslavia's Future Foreign Policy. 16.09.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003300260001-3.pdf>. Дата последнего обращения: 15.12.2019].

Следующим шагом на пути дистанцирования от стран советского блока и приближения к Западу стало выдвижение кандидатуры Югославии на выборах в Совет Безопасности ООН. Это было возможно в соответствии с ст. 23 «Устава ООН», в которой шла речь о справедливом географическом распределении кандидатов (см. [29]). В 1950 г. одна из стран — непостоянных членов Совета Безопасности должна была относиться к Восточной Европе. СССР поддержал кандидатуру Чехословакии, а США выступили за Югославию. Стоит заметить, что окончательное решение югославские лидеры приняли после того, как 29 сентября 1949 г. американский посол К. Кеннон сообщил им, что, если ФНРЮ выставит свою кандидатуру, Соединенные Штаты поспособствуют ее избранию [9. I-3-b/782. Zabeleška o razgovoru pomoćnika ministra druga Leo Matesa sa američkim ambasadorom g. Cannonom].

Доказательством напряженности борьбы стал ход голосования. В первый раз Югославии не хватило одного голоса для избрания в Совет Безопасности (для этого требовалось получить их 2/3 от общего числа участников), а 20 октября при повторном голосовании 39 голосами «за» ФНРЮ все же стала непостоянным членом Совбеза ООН на 1950 г.

Руководитель советской делегации А. Я. Вышинский¹⁷ попытался оспорить выбор ГА ООН, ссылаясь на так называемое «джентльменское соглашение» трех великих держав от 1946 г. Оно дополняло гл. 23 положением о необходимости предварительной договоренности стран этого региона о выдвижении того или иного кандидата в Совет Безопасности. Если бы советское возражение было принято во внимание, это бы означало, что Югославия вообще не имела права баллотироваться в Совет Безопасности без предварительного одобрения советского правительства [30. S. 87]. Однако усилиями югославских дипломатов и представителей западных стран этого удалось избежать.

Решение руководителей ФНРЮ об интернационализации конфликта стало одной из причин того, что в начале осени 1949 г. отношения между Белградом и Москвой прошли своеобразную «точку невозврата». С этого момента началась еще более отчетливая переориентация ФНРЮ на сторону Запада; максимально ужесточилась позиция СССР; стало окончательно ясно, что на данном этапе добровольное возвращение Югославии в социалистический лагерь невозможно. В это время угроза возникновения вооруженного конфликта стала максимально реальной.

В начале осени 1949 г. началась решающая фаза печально известного процесса по делу Ласло Райка¹⁸. В обобщающей части обвинительного акта указывалось, что «Райк и его сообщники создали организацию, целью которой была ликвидация независимости Венгрии и превращение ее в марионетку

¹⁷ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — советский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел СССР (1949–1953), постоянный представитель СССР при ООН (1953–1954).

¹⁸ Райк Ласло (1909–1949) — венгерский коммунист, политический деятель, министр внутренних дел Венгрии (1946–1948). С августа 1948 г. — министр иностранных дел Венгрии. 30 мая 1949 г. был арестован и на основе ложного обвинения казнен. Посмертно реабилитирован в 1955 г.

империалистов [...]. При вооруженной поддержке своих хозяев – сегодняшних руководителей югославского государства – Тито, Ранковича, Карделя и Джиласа¹⁹ – [...] заговорщики хотели превратить Венгрию в югославскую колонию, колонию Тито, который [...] сделал Югославию вассалом американского империализма» [31. С. 43]. На долгие годы имя Ласло Райка стало синонимом анти-югославской кампании в СССР и странах народной демократии, во многих из которых оказались свои репрессированные руководители, судебные процессы над которыми типологически пересекались с «делом Райка» – К. Дзодзе в Албании, Т. Костов в Болгарии, Р. Сланский в Чехословакии.

28 сентября 1949 г. правительство ФНРЮ получило ноту правительства СССР, подписанную А. А. Громыко²⁰, сообщавшую, что в ходе процесса над Райком «вскрылось, что югославское правительство уже длительное время ведет глубоко враждебную деятельность против Советского Союза [...] не только по собственной инициативе, но и по прямым указаниям иностранных империалистических кругов», что оно находится в полной от них зависимости и «превратилось в орудие их империалистической политики». Поэтому советское правительство считает себя свободным от обязательств «Договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве Югославии и СССР» от 11 апреля 1945 г., который «теперешнее югославское правительство грубо растоптало и разорвало в клочки» [25. Нота правительства СССР правительству ФНРЮ. 28 сентября 1949 года]. Ноты такого же содержания были получены 30 сентября 1949 г. от Венгрии и Польши, 1 октября – от Румынии и Болгарии, а 4 октября – от Чехословакии. Всего в конце сентября – начале октября было расторгнуто 46 политических, экономических и культурных договоров и конвенций [32. S. 107–108].

Эти события закономерно повлияли на еще большую интенсификацию контактов ФНРЮ с западными странами. Причем югославы были заинтересованы в развитии отношений и получении кредитов именно по государственной линии. Так, например, 2 ноября 1949 г. состоялась встреча Тито с английским послом в ФНРЮ Чарльзом Пиком²¹, на которой среди прочего обсуждался и вопрос о кредитах. Тито в разговоре подчеркнул: «Нам не все равно, предоставят ли Югославии кредит [английские] банки или правительство. Для нас это – политический вопрос, так как затягивание переговоров по этому вопросу с правительством Англии может повлечь за собой трудности в переговорах с другими странами» [9. I-2-a/129. Zabeleška o poseti engleskog ambasadora Peake-a kod druga Maršala].

К концу 1949 г. Москва перешла от призывов к «борьбе против клики Тито» к формулировке «югославская компартия во власти убийц и шпионов», 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште состоялось третье совещание Коминформбюро. Ключевым тезисом основного доклада, сделанного на совещании

¹⁹ Джилас Милован (1911–1995) – югославский политический деятель, писатель. С 1948 г. – секретарь Исполнительного бюро ЦК КПЮ. Вице-президент Югославии с 1953 г. Считался возможным преемником Тито. В октябре 1953 – январе 1954 г. выступил в печати с резкой критикой «сталинских методов» и однопартийной системы и требованиями независимости правосудия. В 1954 г. смещен со всех партийных и правительственных постов, исключен из КПЮ.

²⁰ Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) – советский дипломат, государственный и политический деятель, Министр иностранных дел СССР (1957–1985), председатель Президиума Верховного совета СССР (1985–1988). В 1949 г. – первый заместитель министра иностранных дел СССР.

²¹ Сэр Чарльз Бринслей Пембертон Пик (1897–1958) – английский дипломат, посол в Югославии (1946–1951).

Г. Георгиу-Дежем²² («Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), был избран постулат о том, что руководство ФНРЮ установило в стране диктатуру фашистского типа. В качестве практической задачи предлагалось формирование в Югославии новой подпольной компартии, способной на «решительную борьбу» и освобождение «от ига узурпаторов» [33].

Подводя итог, следует согласиться с мнением аналитиков ЦРУ, писавших в ноябре 1950 г., что тренд на улучшение отношений с правительствами западных стран «является попыткой самосохранения, более чем каким-то базисным изменением политической философии, и отражает понимание югославских коммунистических лидеров, что им не удастся положить конец конфликту с СССР, сохранив при этом свою власть. [...] Тито был вынужден обратиться к Западу» [15. National Intelligence Estimate. The Current Situation in Yugoslavia. NIE-7. 21.11.1950. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A000300010001-5.pdf>. Дата последнего обращения: 12.01.2020]. Также отмечу значение событий осени 1949 г. в изучении обстоятельств советско-югославского конфликта: его интернационализация на третьем заседании Генеральной ассамблеи ООН, начавшаяся переориентация Югославии на Запад и избрание ФНРЮ непостоянным членом Совета Безопасности ООН вопреки воле СССР, но при поддержке США. Это означало прекращение следования Белграда в фарватере советской политики, эскалацию взаимной критики сторон, рост напряженности на югославских границах и угрозу возникновения военного конфликта. Одновременно это создавало новые, крайне благоприятные условия для развития сотрудничества со странами Запада и, прежде всего, с США. В последующие годы, вплоть до начала нормализации советско-югославских отношений (1954–1955), со странами Запада было подписано большое число соглашений о торговле, экономическом, культурном и военном сотрудничестве, предоставлении Югославии кредитов и помощи на безвозмездной основе. Внешнеполитический фундамент этих договоренностей был заложен в 1949 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.
2. *Гибианский Л. Я.* Проблемы международно-политического структурирования в Восточной Европе в период формирования советского блока в 1940-е гг. // Холодная война: новые подходы, новые документы. М. 1995.
3. *Гибианский Л. Я.* Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4.
4. *Гуренко Ю. С.* Сталин – Тито. М., 1991.
5. *Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu. Zagreb, 1988.
6. *Lorejn M. Lis.* Održavanje Tita na površini. Sjedinjene Države, Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2003.
7. *Lane A.* Yugoslavia: When Ideals Collide. London, 2004.
8. *Bela knjiga o agresivnim postupcima vlada SSSR, Poljske, Čehoslovačke, Rumunije, Bugarske i Albanije prema Jugoslavije.* Beograd. 1951.
9. Архив Југославије. Кабинет Маршала Југославије. Ф. 836.
10. *Костин А. А.* Югославия в американской политике сдерживания СССР в 1947–1963 гг. // Вестник Вятского университета. Киров, 2015.

²² Георге Георгиу-Деж (1901–1965) – румынский политик, руководитель Румынии с 1948 и до смерти в 1965. Генеральный секретарь ЦК РКП (1944–1954 гг. и 1955–1965 гг.), премьер-министр Румынии (1952–1955), председатель Госсовета Румынии (1961–1965).

11. *Стыкалин А. С.* Титовская Югославия в сфере интересов СССР и США (конец 40-х – 50-е годы XX в. // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2006. Вып. 2. География и политика.
12. *Bogetić D.* Jugoslavija i Zapad. 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO-u. Beograd, 2000.
13. *Jakovina T.* Socijalizam na američkoj pšenici (1948–1963). Zagreb, 2002.
14. Документа CIA о Jugoslaviji: 1948–1983. Priredio Momčilo Pavlović. Beograd, 2009.
15. Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room.
16. US Department of State. Office of the Historian. Foreign Relations of the United States. Harry S. Truman Administration (1945–1952).
17. *Гибианский Л. Я.* Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998.
18. *Bogetić D.* Londonski pregovori o Trstu i perspektive jugoslovensko-italijanske saradnje // Jugoslovenski istorijski časopis. 2000. № 1–2.
19. Конвенция о режиме судоходства на Дунае // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901307>. Дата последнего обращения: 07.06.2020.
20. V конгрес Комунистичке партије Југославије. 21–28 јула 1948: Стенографске белешке. Београд, 1949.
21. *Аникеев А. С.* Противостояние СССР и США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 г. // Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995.
22. Югославия в XX веке: очерки из политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011.
23. Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / Ed. by J. O. Iatrides. Hanover, 1981.
24. Diplomatski arhiv Saveznog ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije. Politička arhiva. Str. pov. 1949. F-5. 630.
25. AJ. F. 507/IX. SSSR. 119/I-46.
26. *Kardel E.* Govor na plenarnoj sednici Generalne Skupštine OUN. Njujork. 24 septembar 1949 // Цит. по *Štrbac Č.* Jugoslavija i odnosi između socialističkih zemalja. Sukob KPJ i Informbiroa. Beograd, 1984.
27. *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949–1953: Очерки истории. М., 2002.
28. *Радојевић М.* Из преписке Саве Косановића // Зборник о Србима у Хрватској. Уредник В. Крстић. Београд, 2017. Т. 11.
29. Устав Организации Объединенных Наций. Гл. V. Совет Безопасности. Ст. 23. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-v/>. Дата последнего обращения: 09.11.2019.
30. *Jovanović J.* Jugoslavija u Organizacije Ujedinjenih Nacija (1945–1953). Beograd, 1985.
31. Ласло Райк и его сообщники перед народным судом. Будапешт, 1949. С. 27 // Цит. по *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
32. *Bogetić D.* Koreni Jugoslovenskog opredelenja za nesvrstanost. Beograd, 1990.
33. *Георгиу-Деж Г.* Югославская компартия во власти убийц и шпионов. Режим доступа: <https://maxpark.com/community/6098/content/2461197> Дата последнего обращения: 10.04.2020.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ» В КРИТИКЕ ПОСТЬЮГОСЛАВСКИХ ИСТОРИКОВ

© 2020 г. М.В. Белов

*Д-р ист. наук, зав. кафедрой новой и новейшей истории Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского*

belov_mihail@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

Обсуждение «исторического ревизионизма» заняло центральное место в дебатах об отношении к собственному прошлому в ряде стран бывшей Югославии. Особенно это заметно в Сербии, Хорватии, а также в Боснии и Герцеговине. Возможность использовать этот термин (для критической переоценки не только историографической, но и общественно-политической ситуации) стала водоразделом между большими группами исследователей. Одни стоят на национально-изоляционистских позициях и защищают правомочность ревизии искажениями истории в коммунистической Югославии. Другие делают выбор в пользу транснациональной европейской памяти о геноцидах и солидарности с их жертвами. Третьи пытаются придать новую актуальность югославской антифашистской идеологии для обоснования левого активизма.

The discussion on «historical revisionism» has taken the central stage in debates on the attitude to the past in some countries of the former Yugoslavia. This is especially noticeable in Serbia, Croatia, as well as in Bosnia and Herzegovina. The ability to use the term (for a critical reassessment of not only the historiographic but also the socio-political situation) has become a watershed between large groups of scholars. Some stand on the national isolationist positions and defend the legitimacy of the revision by the notion that history was distorted in Communist Yugoslavia. Others opt for a transnational European memory of genocides and solidarity with the victims. The third group is trying to give new relevance to the Yugoslav anti-fascist ideology in order to justify left activism.

Ключевые слова: историческая политика, «исторический ревизионизм», страны бывшей Югославии.

Keywords: politics of history, «historical revisionism», countries of the former Yugoslavia.

DOI: 10.31857/S0869544X0011090-2

Полемика о феномене «исторической политики» (или «политики памяти») в странах бывшей Югославии приобрела свою специфику. На первое место там вышло понятие «исторического ревизионизма». Оно явно выделяется, хотя нередко сочетается и с другими терминами: «политическое использование

прошлого», «символическая политика», (ре)мифологизация прошлого, «войны памяти» и др. Уверенность в необходимости разоблачить «исторический ревизионизм» или, напротив, отрицание смысла за этим понятием (игнорирование обсуждения) провели линию размежевания между постъюгославскими историками, прежде всего, в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине. Дискуссия вокруг «исторического ревизионизма» как сильный реагент проявила (не) способность к теоретической рефлексии и самокритике, (не)понимание значимости ценностных ориентаций в историческом исследовании, а также проблематизировала альянс между академическими, административными и медийными позициями.

Феномен «исторического ревизионизма» начал обсуждаться в республиках бывшей Югославии в начале нулевых, после окончания острой фазы военных действий в период балканского кризиса, что совпало с уходом с политической сцены ключевых фигур предшествовавшего периода – первого президента Хорватии Франьо Туджмана (1922–1999) и сербского лидера Слободана Милошевича, чей режим пал в результате «бульдозерной революции» в октябре 2000 г.

По мнению Д. Марияна [1. S. 396], понятие «исторического ревизионизма» было внесено в хорватскую публичную сферу известным журналистом и издателем, одним из лидеров еврейской общины Загреба и последовательным критиком Ф. Туджмана Славко Гольдштейном (1928–2017), имевшим большое влияние на средства массовой информации, но не диплом историка. На самом деле одновременно с ним этот термин использовал и его сын, профессиональный историк Иво Гольдштейн, который ранее занимался Средневековьем, однако в 1990-е сосредоточил внимание на теме Холокоста и иных этноцидов в усташеском Независимом государстве Хорватия (НГХ) времен Второй мировой. Так или иначе, борьба с «историческим ревизионизмом» развернулась как часть процесса детуджманизации, проводившейся старыми противниками первого президента, после смены власти в 2000 г.

В совместную книгу отца и сына «Холокост в Загребе» (2001) вошел раздел, посвященный «ревизионизму в историографии». Этот феномен проявился в Хорватии на рубеже 1980–1990-х годов и воспринимался как «общественно-политическая аномалия», но затем, в отличие от западных стран пользовался поддержкой властей. «Его обобщенный признак и главная отправная точка – фетишизм государства и фетишизация хорватской государственной идеи. Все то, что в прошлом содействовало хорватской самостоятельности оценивалось самым позитивным образом и некритически превозносилось, а слабые стороны – либо стыдливо вымарывались, либо хотя бы минимизировались. [...] Эти ревизионистские тенденции, в обоих направлениях, не останавливались и перед замалчиванием или искажением источников, что вело порой к подлогам и лжи. В этом контексте усташеское НГХ стало представляться в относительно позитивном свете, без оглядки на его нацифашистскую сущность, на его тотальную политическую и военную сопричастность историческому Злу, на геноцид и другие преступления, которые оно совершило (ибо оно “не было только фашистским творением, но и выражением столетних стремлений хорватского народа к самостоятельному государству”» [2. S. 597]¹.

Соответственно, преступные деяния двух Югославий (королевской и коммунистической) «абсолютизировались и генерализировались до такой меры,

¹ Слова, приведенные в скобках – измененная цитата из выступления Ф. Туджмана на первом съезде Хорватского демократического содружества 24 февраля 1990 г.

чтобы стать аргументом для ригидной националистической политики и по возможности оправданием преступлений усташей или хотя бы их релятивизации». Причинами «ревизионизма» были, во-первых, искажения истории Второй мировой войны под надзором коммунистической идеологии, во-вторых, стремление придать легитимность интеграции бывших усташей и их потомков, которым было разрешено возвратиться на родину, в хорватское общество, в третьих, это была реакция на подъем сербского национализма и «историографического ревизионизма» в 1980-е годы [2. S. 598–599].

Такая характеристика «исторического ревизионизма» в Хорватии повторялась затем во многих работах И. Гольдштейна и его последователей. В частности, в статье, написанной им в соавторстве с Г. Хутинацем, подчеркивалось, что «исторический ревизионизм» определяется стремлением использовать прошлое в политических целях. «По меньшей мере, к такой работе приступают с политическими предрассудками, с точки зрения официальной политики 1990–1999 гг. Как правило, речь идет о правой и крайне правой ориентации, характерной чертой которых является нежелание разбираться с преступлениями, совершенными усташескими властями в период НГХ» [3. S. 190].

Более широко, применительно ко всей постъюгославской историографической ситуации, понятие «исторического ревизионизма» было концептуально обосновано сербским социологом Тодором Куличем. Стипендиат фонда Фридриха Эберта, он периодически работал приглашенным исследователем в ФРГ. Критик «теорий тоталитаризма» адаптировал к местным условиям терминологию, появившуюся во Франции в связи с «ревизией» Ф. Фюре и его сторонниками марксистской традиции в историографии Великой Французской революции, а также во время знаменитого «спора историков» ФРГ 1980-х годов. В дальнейшем Кулич стал одним из первых сербских проводников *memory studies* [4]. Достоинством работы социолога является анализ историографических тенденций в широком контексте социальных, политических и идеологических сдвигов (то, что он сам назвал «эпохальным сознанием»).

В 2000 г. Кулич предложил статью «Историографический ревизионизм в постсоциалистических режимах» редакции журнала «История XX века», которая ее отклонила. В дальнейшем эта работа вошла в книгу «Преодоление прошлого: истоки и направления перемен в образе истории конца XX века» (2002). Книга, автор которой сохранил пиетет к неортодоксальной марксистской традиции, была выпущена в серии изданий Хельсинского комитета за права человека в Белграде при финансовой поддержке правительства США.

Кулич провел границу между «ревизией» как легитимным пересмотром историками научного образа прошлого в свете новых источников, усовершенствованной методологии и под влиянием широких общественных запросов, с одной стороны, и «историческим ревизионизмом» как «переделкой прошлого, проистекающей из явных или скрытых намерений оправдания узких национальных или политических целей» [5. 438]. В общеевропейском и мировом контексте «исторический ревизионизм» стал продуктом «неоконсервативной волны» и антитоталитарного консенсуса, а затем – роста неонационализма с падением «мировой социалистической системы».

На ранних порах особую роль в зарождении «исторического ревизионизма» сыграли «коммунистические отступники» (например, упомянутый Ф. Фюре), отталкивавшиеся от собственного увлечения марксизмом и коммунизмом в юности. Для историков-марксистов из социалистических стран тот же путь

конверсии проложил дорогу к антикоммунизму и «национальным ценностям» как способу искупления прежних грехов.

Однако в каждой стране существовали особенности, программируемые внутренним и внешним контекстом. В Югославии радикальный «исторический ревизионизм», подготавливавшийся накануне распада федерации, был стимулирован кровопролитными межэтническими конфликтами. В кризисных 1990-х годах от ангажированных общественных наук трудно было бы ожидать «герменевтической толерантности», однако это не оправдывает, а лишь объясняет односторонность подходов. «Противостояние интернационализму (глобализму, космополитизму, югославянству) стало основой в создании официальной идентичности бывших югославских республик и ключом в переделке прошлого». Различия в диспозициях определили специфику: если Хорватия в конфликте с центром насаждала клерикально-католическую идентичность в соединении с ценностями европейского правового государства, то сербская национальная интеллигенция в тени централистского и «социалистического» режима Милошевича формировала идентичность в единстве «косовского предания, православной традиции и европейских ценностей национализма и либерализма» [5. S. 451; 6. S. 348].

Угроза нации оправдывала вытеснение, замалчивание или релятивизацию темных сторон из прошлого «своей» нации, и это три основные стратегии «исторического ревизионизма». «Организованно культивировались только те воспоминания, которые шли на руку национальной идентичности (величие имперского прошлого, страдания собственного народа, [...] культ национальных правителей и культурных деятелей и т.п.). Из воспоминаний вытеснялись геноцид и фашизм со стороны собственной нации, провинциальная отсталость, политическая близорукость агрессивной националистической политики» [5. S. 448].

Антикоммунизм и антитоталитаризм стали основой для новой идеологии национал-шовинизма по ряду причин. Однопартийный югославский социализм, с одной стороны, накладывал табу на изучение прошлых межнациональных конфликтов, а с другой, сделал антифашистскую борьбу партизан мифом своего происхождения и легитимности [5. S. 472–484]. Это вело к появлению «белых пятен», сенсационным заполнением которых первоначально оправдывался ревизионизм. Иными словами, утверждение власти КПЮ сопровождалось переделкой прошлого по идеологическим мотивам, поскольку культ «национально-освободительной борьбы народов Югославии» на интернациональных началах означал селективную память о Второй мировой войне во имя позитивной идентичности федеративного государства. На самом деле, идеологический контроль снизился на закате существования Югославии, когда история Второй мировой войны уже подверглась коррекции на основе документальных источников.

Однако, «если свести все изучение прошлого в период между 1945 и 1990 г., за редким исключением, всего лишь к тривиальной историографии победителей, побежденный фашизм релятивизируется и сводится к обычному преступлению, которое, как и всякое другое, со временем выцветает, а апологетам фашизма необходимо предоставить [право] быть равноправными арбитрами в оценке прошлого. Это между тем вовсе не так, ибо отрицает значимое согласие в отношении сущности фашизма и беспримерности его злодеяний. В осуждении фашизма меньше разногласий, нежели в связи с утверждением социализма. Насколько бы ни была идеологически отягощена историография в социалистической Югославии, она сыграла большую роль в демонтаже

различных версий шовинизма и являлась частью эпохального антифашистского сознания» [5. S. 465].

Недомолвками в суждениях Кулича являются степень, характер и эволюция идеологического воздействия на историческую науку эпохи югославского социализма, хотя он указал на неправомерность недифференцированного подхода к нему критиков тоталитаризма. А обобщенное осуждение фашизма и его злодеяний определило нормативные ограничения, которые в абсолютном выражении можно толковать как запрет на исследовательскую работу: дифференциацию квислингизма и коллаборационизма, проявленные в ходе многослойной гражданской войны на территории Югославии в 1941–1945 гг. [7].

Так или иначе, если нацизм/фашизм определяются моральным осуждением «чистого зла», исторические исследования оказываются подчинены механизмам этического или правового регулирования. При этом, разумеется, абсолютизация злодеяний фашизма не может служить оправданием иных преступлений, в том числе совершенных его противниками. Равно как и наоборот.

В отличие от ФРГ, где долгая «проработка прошлого», начавшаяся с безоговорочной капитуляции Третьего рейха, означала радикальный разрыв с нацизмом, конституционный патриотизм и императив памяти о Холокосте, Югославия, оказавшаяся в лагере победителей и сделавшая антифашизм основой своей легитимности, после распада оставила новообразованным государствам образцы мемориальной культуры XIX в. Будучи анахроничными и архаичными, они оперируют заимствованной терминологией «мнемонического поворота»: жертвы и палачи, вина и безвинность, тоталитаризм и демократия [5. S. 375–376].

Так называемая «конкуренция жертв» стала одной из наиболее очевидных и контрпродуктивных форм взаимодействия постъюгославских историков. Она же использовалась для релятивизации террора усташей в НГХ противопоставлением их «крестного пути», когда в ходе разгрома они пытались бежать от партизан, чтобы сдать западным союзникам, и трагедии Блайбурга (современная Австрия), в районе которого в мае 1945 г. были организованы скоротечные расправы.

Тем не менее болезненная тема националистической переделки общего прошлого стала предметом обсуждения и на международном уровне. В ноябре 2006 г. сараевский Институт истории организовал научную конференцию «Ревизия прошлого в пространстве бывшей Югославии», на основе материалов которой в следующем году вышел сборник работ под тем же названием.

Сборник открывался статьей Хуснии Камберовича [8], чьи рассуждения отталкивались от характеристик «исторического ревизионизма», данных Т. Куличем. Однако дальнейшее чтение статьи показывает, что его построения, по существу, отвергаются, поскольку «ревизионизм» представляется опасным для научного спора обвинительным «ярлыком» — синонимом (нео)фашизма.

Хотя общим правилом для всех стран была «ревизия» югославского наследия, ее степень различалась. В одних — научные институты активно включились в процесс создания «нового национального прошлого», а в других — остались вне ее. По мнению Камберовича, Босния и Герцеговина «осталась вне волны ревизионизма», хотя имеется несколько работ в этом направлении [8. S. 14]. Дело в том, что пересмотр прошлого здесь меньше затронул период социализма, а был обращен в более ранние эпохи. При этом спекуляциями в основном занимались не ученые. Взаимные обвинения в «ревизионизме»

возникли в результате попыток конфликтной этнизации совместного прошлого в условиях межобщинного раскола.

Во второй статье сборника сербский историк нового поколения В. Петрович, прошедший подготовку в Центрально-Европейском университете в Будапеште и других зарубежных исследовательских центрах, предпринял основательную критику теоретических подходов к «историческому ревизионизму», назвав его в первом же предложении «необычайно скользким понятием». Он скрыто поспорил с Т. Куличем (который комплиментарно упомянут в другом месте статьи), когда заметил, что «вопреки ряду попыток определить и квалифицировать ревизионизм в историографии [...], он остается слабо теоретизированным и все же широко используемым термином, значение которого, как правило, — предмет спора» [9. S. 21–22]².

Рассматривая специфику бытования термина, Петрович указал на его связь с нормативно-правовым и судебным дискурсом. Исторический ревизионизм, так или иначе, связан с оспариванием «вненаучного принуждения в изучении прошлого». И первая волна ревизионизма была вызвана конфликтом историков с международно-правовым актом (Версальскими договором), ст. 231 которого установила виновность Германии и ее руководства в развязывании Первой мировой войны. При этом несогласие с ней могло быть также политически мотивировано.

В несколько измененном виде та же модель использовалась после победы над нацистской Германией, державами Оси и их пособниками, будучи закреплена в судебных решениях над военными преступниками. Суды над отрицателями Холокоста, в свою очередь, криминализировали такую крайнюю разновидность «исторического ревизионизма».

Между тем Петрович отметил со ссылкой на других авторов, что необходимо иметь в виду существенные различия между поиском истины в судебном процессе и в научной дискуссии [9. S. 24–25]. Поэтому усилившее стремление регулировать историческую правду с помощью запретительных законов и судебных приговоров ведущие историки, отнюдь не сочувствовавшие взглядам «негационистов»³, посчитали опасным прецедентом для академической свободы. Тем не менее в заключении обзора коллизий между юриспруденцией и историей автор статьи, возможно, несколько упрощая, констатировал, что «различие между ревизионизмом и негационизмом, будь оно совершено правовыми средствами, историографическими дебатами или простым чувством приличия, — это часть фундаментального демократического консенсуса в западных обществах» [9. S. 31]⁴.

Петрович оставил за скобками антимарксистский ревизионизм в духе Ф. Фюре и далее охарактеризовал «искривленную рецепцию ревизионизма в Восточной Европе и Югославии» [9. S. 31–37], где разгром нацизма и его сателлитов сопровождался утверждением коммунистических режимов, память о Холокосте была маргинализирована, а история подчинялась политико-идеологическим тенденциям. Затем, после крушения восточного блока прежний

² См. также англоязычную версию: [10].

³ Петрович не упомянул о петиции «Свобода истории» (2005), подписанной девятнадцатью именитыми французскими историками. Позднее к ней присоединились историки из других стран: «Воззвание из Блуа» (2008) [11. С. 114–115].

⁴ А. И. Миллер объяснил преодоление национальных форматов памяти экономическим благополучием и успехами политической интеграции «старой» Европы, однако с середины нулевых происходит существенная трансформация европейской политики памяти: [11. С. 112, 116–119].

коммунистический порядок был в ряде случаев криминализован. «Фактографический ревизионизм» заполнил умолчания предшествующего периода, но поиски исторической легитимности в докоммунистических периодах привели, вопреки формальной приверженности либеральной демократии, к обелению националистических и ультраконсервативных режимов. В свою очередь память о жертвах правых и левых репрессий была политически инструментализована, при этом пренебрежение человеческими страданиями перешло из коммунистического периода в новый контекст национальных конфликтов. Именно в предыдущем периоде находятся корни подобной метаморфозы.

Коммунистическая власть в Югославии утвердилась в 1945 г. в результате победы в войне, имевшей многие признаки гражданской. Новый режим закрепил победу судебными приговорами над пособниками оккупантов и своими противниками в духе решений Нюрнбергского трибунала, которые замаскировали «глубокий [общественный] раскол правовым нормированием картины прошлого» [9. S. 33]. А историография подверглась масштабной ревизии в духе «марксизма-ленинизма».

Неприкосновенными для свободного рассмотрения оказались история КПЮ и Национально-освободительной борьбы 1941–1945 гг., а история «первой» Югославии подверглась значительным искажениям. Поэтому неудивительно, что, с ослаблением режима после смерти Й. Б. Тито, в 1980-х годах, историография «посылала тревожащие спазмы в государственный организм» [9. S. 34]. Она так и не смогла стать общим «интеллектуальным форумом, достаточно эластичным, чтобы охватить в дискуссии сталкивающиеся позиции», и вскоре раскололась вслед за государством по республиканским и этническим границам. Прежняя «конфедерация национальных историографий» была погребена «волной противоречащих и взаимоисключающих ревизий», которой были заняты многие, помимо историков, в надежде «пришпорить мертвого коня коммунистической историографии и найти в прошлом легитимацию националистическим проектам» [9. S. 35]. В этот момент была продемонстрирована крайняя опасность как политико-правового статуса исторической истины, так и тенденциозного слома прежних догм.

Фатальным оказалось выявленное в конце 1980-х годов преувеличение последствий Второй мировой войны. Цифра в 1 700 000 жертв «оккупантов и их пособников» была выдумана на заре режима для получения больших репараций и для камуфляжа гражданской бойни, а затем была догматизирована властями. В конце 1980-х годов разоблачение подлога привело к националистической «конкуренции жертв», обращенной и против коммунистического центра (Блайбург и Кочевский рог, где происходили похожие события). В ложном выборе между коммунизмом и национализмом один ревизионизм сменялся другим, подстегивая новую войну.

Катастрофический распад Югославии и кровопролитные войны 1990-х годов привели к обособлению национальных историографических школ, разрушению и до того слабых институциональных и личных связей между историками и «ценностному хаосу», особенно в домене истории Второй мировой войны. Антикоммунистические движения оказались легитимированы, независимо от их отношения к фашизму. И теперь трудно сказать, какая парадигма доминирует и кто ее пересматривает. Все это следствие глубокого послевоенного общественного кризиса, «бесправия, криминализации и коррупции». Тем временем процессы ревизии продолжают в судебных решениях по реабилитации, переименованию улиц, в разрушении и установке памятников,

в школьных учебниках. «Меняются политические координаты, но не базовые ценности системы», одни преступления криминализируются, а другие оправдываются в политических интересах. «Ревизионизм соскальзывает в негационизм». Будучи неспособными отыскать в прошлом ценности, необходимые для современного общества, постъюгославские историки оказываются «в восточноевропейской ловушке между левым или правым авторитаризмом, отягощенные наследием недавней войны» [9. S. 37].

Столкновения 1990-х годов перешли на страницы исторических трудов. Судебные системы неспособны оказать помощь в отыскании правды, а политическая воля для необходимых изменений, которые бы воспрепятствовали отрицанию преступлений, отсутствует. Ограничителем может стать лишь огромная документация, собранная Международным трибуналом по бывшей Югославии, поскольку ее невозможно игнорировать.

В противостоянии версии Трибунала и национальных историографий в искаженном виде проецируются расхождения между правовой и исторической логикой поиска правды, универсальными принципами и государственными интересами. Конечно, историю должны писать не судьи, а историки. Вопрос, будут ли они нацелены на «взаимоисключающие интерпретационные траектории, основанные на изоляционистских апологиях, или же будут критически усваивать выводы из правовых процессов, относящихся к их новейшей истории. Постъюгославские историографии могут способствовать как продолжению, так и сдерживанию фактографической, интерпретативной и ценностной анархии» [9. S. 41]. Спустя более десятилетия после этой публикации В. Петровича можно констатировать, что предложенная им дилемма так и осталась не разрешенной.

Радикальная критика «исторического ревизионизма» в Сербии развернулась под эгидой историков левой ориентации с опорой на традиции антифашистской борьбы коммунистических партизан. Основанная в 2001 г. в Нови Саде «Альтернативная культурная организации» (АКО), при поддержке Фонда Розы Люксембург с 2009 г., поставила задачей выработку «альтернативы культуре национализма, патриотизма и правого экстремизма в Сербии»⁵. В редакторском введении (М. Бешлин, П. Атанацкович) к опубликованному АКО в 2012 г. сборнике работ «Антифашизм перед вызовами современности» опровергнуты любые попытки пересмотра истории Второй мировой войны, доставшиеся в наследство от СФРЮ: «Югославия имела *единственное антифашистское движение* (выделено авторами. — М.Б.), партизанское (Народно-освободительную армию Югославии под командованием Иосипа Броза Тито), которое одержало победу на этих просторах» [16. S. 15]. Критика коммунизма (его «преступлений») оценена как попытка преуменьшить значение этой победы, подорвать ценности антифашизма и обосновать националистическую (неофашистскую доктрину), т.е. как «исторический ревизионизм». Хотя статья В. Петровича названа во введении «хорошим примером теоретического объяснения ревизионизма» [16. S. 13. № 4], ее критическое содержание не учтено. Авторы следовали более однозначной трактовке «исторического ревизионизма», восходящей к книге Т. Кулича, который тоже участвовал в сборнике статей, ранее опубликованной в другом издании.

⁵ <https://www.rosalux.rs/bhs/alternativna-kulturna-organizacija> (дата обращения 26.04.2020). Издания критиков «исторического ревизионизма» в Боснии и Герцеговине поддерживает Фонд Фридриха Эберта (см. [12–14]). Впрочем, последнее издание на эту тему вышло в Сараеве под эгидой «Ассоциации современной истории» и получило финансирование Федерального министерства образования и науки Боснии и Герцеговины [15].

Следующий сборник «Политическое использование прошлого: об историческом ревизионизме в постъюгославском пространстве» (2014) стал результатом научной конференции, организованной не под сенью традиционных научных институций, а под эгидой той же АКО. Соредатор издания Срджан Милошевич во вступительной статье [17. S. 11–25] представил обзор вариантов использования термина «ревизионизм», а также предложил, следуя за Т. Куличем, семантически отделить «ревизию», пересмотр чего-либо (включая и наши представления о прошлом), от «ревизионизма» как политико-идеологической практики. При этом он признал оценочную зависимость этого термина в разных трактовках и в разных дискурсивных сетях (в частности, связанность или противопоставление его феномену отрицателей Холокоста). Во избежание путаницы Милошевич локализовал «ревизионизм» применительно к пространствам бывшей Югославии в националистически мотивированных практиках переписывания истории Второй мировой войны и возникшей в результате нее федерации.

Эти усилия диктовались потребностями мобилизации во время войн 1990-х годов, а затем их оправданием. Милошевич, следовательно, предложил считать «ревизионизм» исключительно негативным проявлением, вызванным стремлением использовать прошлое в узких политических и идеологических целях. Поэтому он может проявляться не только в изобретении новых, но и в возврате к старым интерпретациям. В таком случае речь идет о деволуции знания о прошлом. В свою очередь главными стратегиями ревизионизма являются фальсификация, релятивизация исторических свидетельств и реинтерпретация с аурой «долго скрывавшейся истины». В противоположность этому перенесение акцентов в толковании прошлого, обусловленное широкими общественными потребностями, может быть легитимным.

Ревизионизм проявляется в разных сферах общественной жизни, включая правовые отношения и особенно в средствах массовой информации и массовой культуре, но наиболее опасной его разновидностью следует считать историографический ревизионизм, который защищен академическим статусом, тогда как в реальности научные методы игнорируются. В таком случае он часто прибегает к отбрасыванию марксистских интерпретаций как догматических и дискредитированных коммунистическими режимами.

Милошевич вступил в полемику с замечаниями В. Петровича, которые поставили под вопрос аналитическую силу понятия «исторический ревизионизм». Он признал, что некоторые утверждения о прошлом могут превращаться в догмы и должны быть подвергнуты ревизии, в силу изменения общественных ценностей: «Догма подразумевает некритическое восприятие. Когда речь идет об общественных ценностях, они действительно могут быть догматизированы, но не все таковы. Они часто имеют свою рационально обоснованную, гуманную ориентацию, и их критически обсуждают. Однако важно [подчеркнуть], что не все равно, с каких общих ценностных позиций рассуждают о конкретной ценностной системе. Например, совершенно легитимно критиковать определенную ценностную систему в стремлении к большему равноправию, в отличие от критики, которая бы стремилась к большей дискриминации. Идея человеческого равноправия, хотя она и не связана с истинностью и наукой, конечно же, не *догма* (выделено автором. — М.Б.), но ее оспаривание — это, действительно, нецивилизованный акт». Научно обоснованное суждение о фашизме не может *существенно* отличаться от господствующего представления о нем, как «об одном из самых мрачных явлений в истории человечества» [17. S. 14]. Однако Милошевич ничего не написал о пределах снятия догмы о коммунизме,

который в предыдущем сборнике характеризовался как единственный проводник антифашистской борьбы в Югославии.

Критика ревизионизма получила новый стимул с голосованием 19 сентября 2019 г. в европарламенте за новую резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», ставшую очередным звеном в ряду других документов, принимавшихся начиная с 1996 г. и особенно после 2005 г. для осуждения любых форм тоталитаризма⁶.

С точки зрения критиков «исторического ревизионизма», такая резолюция, уравнивающая преступления нацизма и сталинизма (коммунизма), ведет, с одной стороны, к релятивизации опасности фашизма, оправданию его пособников и коллаборационистов, а с другой, призвана маргинализировать социалистические идеалы и их сторонников [19. С. 3–4]. Похожая позиция выражена в сараевской публикации [14]. Ее автор Т. Ципек указал на двойственность югославского опыта, с одной стороны, укорененного в антифашистской народно-освободительной борьбе, а с другой, запятнанного антидемократической однопартийной диктатурой. Вместе с тем отбрасывание его позитивного исторического значения и стратегии «национализации» общей антифашистской борьбы направлены на поддержание атмосферы враждебности между народами бывшей Югославии. К тому же они блокируют гражданский диалог и демократическое участие внутри государств-наследников.

В январе 2020 г. ряд историков (Д. Стоянович, Т. Яковина, Б. Репе, Х. Камберович, М. Бешлин), члены рабочей группы проекта «Кто первый начал? — Историки против ревизионизма» выступили с инициативой соответствующей его названию общерегиональной декларации⁷.

Авторитетный хорватский «Журнал современной истории» в 2019 г. опубликовал статьи двух авторов, придерживающихся разных взглядов на «исторический ревизионизм». Они демонстрируют различия между национально-ориентированной и транснациональной позицией в историографии. Характер дискуссии можно понять и как некую инсценировку немецкого «спора историков» тридцатилетней давности в эпоху «постправды».

Сотрудник Хорватского института истории (ХИИ), специалист по войне 1991–1995 годов и независимой Хорватии Д. Мариан оценил «исторический ревизионизм» как ненужное и вредное понятие [1]. Игнорируя, безусловно, известные ему работы, он поместил этот термин в ложные семантические поля и отверг его применимость к хорватской истории, существующей как бы совершенно отдельно от внешнего мира⁸. Статья полна недоговорок и противоречий. Доводы оппонентов приводятся в длинных цитатах и редко опровергаются, однако им в другой части статьи противопоставляется авторское мнение. Мариан сетует на идеологический раскол в хорватском обществе при переходе от тоталитаризма к многопартийности, что нивелирует ценность исторической правды, оказавшейся в плену у партийно-идеологических спекуляций. А борцы

⁶ Обзор и анализ подобного рода усилий см. [18. С. 91–104].

⁷ <https://www.historiografija.ba/article.php?id=63> (дата обращения 26.04.2020). Текст декларации под названием «Защитим историю» был опубликован в середине июня, и к ней присоединилось на данный момент около 600 человек. См.: <http://www.krokodil.rs/objavljena-je-deklaracija-odbranimu-istoriju/> (дата обращения 20.08.2020).

⁸ Из сборника «Ревизия прошлого на просторах бывшей Югославии» (2007) Мариан цитирует только статью И. Гольдштейна и Г. Хутинаца о хорватской историографии, а в другом месте задается вопросом: «Было бы занято установить, принято ли понятие исторического ревизионизма в части соседних стран по хорватскому образцу?» [1. С. 406].

с «историческим ревизионизмом» в таком случае превращаются всего лишь в политических активистов, «ревизионистов», призывающих к «ревизии ревизии». Следовательно, их усилия ничтожны в научном измерении, а в случае Хорватии они заданы тенденцией детуджманизации после 2000 г. Мариан готов признать за Туджманом избирательный подход к прошлому, но не ревизионизм [1. S. 404].

Одним из главных аргументов Мариана является ссылка на жесткий идеологический контроль со стороны коммунистической бюрократии в Югославии над особенно чувствительными темами, в частности, историей Второй мировой войны. В течение долгих десятилетий преувеличивалось количество жертв (в том числе в лагере Ясеновац), и они были пересмотрены только на закате режима, хотя общепризнанных цифр до сих пор нет [1. S. 408]. И сейчас фиксация на этом «ужасном аспекте» в истории НГХ выгодна лишь радикалам справа и слева. Не стоит бояться критического и непредвзятого рассмотрения профессиональными историками таких вопросов как расовые законы или террор. НГХ «была союзной державой Оси, и это ее четко определяет, этот факт невозможно релятивизировать, как бы ни пытаться это сделать» [1. S. 412].

Впрочем, главную беду югославской историографии Мариан усматривает не в догматической предзаданности марксизма, но именно в политической конфронтации, укорененной в «тоталитарном сознании». В новом облике оно проявило себя в 1990-е годы. Относится ли это замечание к националистической переделке прошлого? Другой аргумент историка противоречит декларируемой установке на диалог и открытость. Неприемлемость понятия «исторический ревизионизм» обусловлена тем, что оно привнесено извне частью «левых» историков, не будучи укоренено в хорватской историографии. Это новая идеологическая угроза для непредвзятых профессионалов, которых с другой стороны атакуют дилетанты. Историки становятся жертвами вероятных обвинений в «ревизионизме», а исследовательская работа «замораживается» [1. S. 413].

Понятие «геноцид» применительно к политике НГХ, по мнению Мариана, стало исключительно продуктом поднявшего голову на закате Югославии сербского национализма. Это более звучное наименование заменило, использованный ранее термин «массовые преступления» [1. S. 394]. В данном случае историка не смущает, что последний был идеологическим эвфемизмом коммунистической эпохи, поскольку важнее логики — делегитимация «сильного» и явно неприятного определения.

Вообще обсуждение «исторического ревизионизма» Мариан растворил в очерке хорватской историографии до и после 1991 г., в том числе в ее институциональном измерении. После обретения независимости бывший Институт истории рабочего движения был преобразован сначала в Институт современной истории, а затем в ХИИ в пику «слишком марксистскому» Отделению истории на Философском факультете Загребского университета. По мнению критиков «исторического ревизионизма», он превратился в орган официальной националистической историографии. Не оспаривая прямо это утверждение⁹, Мариан возложил вину за «помутнение» истории на полчища любителей, захвативших ее территорию благодаря открывшейся свободе слова.

⁹ Во второй статье Мариан перешел в наступление и использовал аргумент *ad hominem* для опровержения этого тезиса Н. Будака: «Центром исторического ревизионизма в Хорватии ХИИ назвал один медиевист (а в свое время и секретарь ячейки Союза коммунистов Хорватии на историческом отделении), а медиевалистика, как общеизвестно, занимается современной историей, или я ошибаюсь?» [20. S. 254].

В статье, появившейся в следующем номере журнала, политолог М. Касапович, напротив, отстаивала (с опорой на опыт Германии и Израиля) продуктивность использования понятия «исторического ревизионизма», поскольку в Хорватии после 1990 г. преобладали политически и идеологически мотивированные версии истории Второй мировой войны [21].

Ранее на страницах хорватской «Политической мысли» Касапович опубликовала анализ практики «исторического ревизионизма» в Хорватии «Геноцид в НГХ: преуменьшение, банализация и отрицание преступлений» [22]. Исследовательница отметила, что стремление представить НГХ как «обычный» авторитарный режим, противостоявший во время Второй мировой войны державам-победительницам, а также приуменьшить количество жертв террора и отрицать геноцид усташей в отношении сербов, евреев и цыган не является уделом маргиналов, поскольку авторы-ревизионисты сотрудничают во влиятельных образовательных, исследовательских и общественных институтах. Среди множества перечисленных был назван и ХИИ [22. S.10–11. № 8].

Центральные усилия ревизионистов направлены на деконструкцию «мифа о Ясеноваце», за которым отрицается характер лагеря смерти, количество сербских жертв преуменьшается (они «десербизируются»), а усташеский террор представляется как ответная мера государственной защиты от террористов (партизан и четников). Отрицается националистический характер злодеяний усташей, а их действия релятивизируются как «меньшее зло» по сравнению с преступлениями коммунистического режима, якобы использовавшего Ясеновац после войны для расправы над своими противниками.

Спор Марияна с Касапович продолжился его второй статьей, опубликованной на страницах того же журнала в начале 2020 г. В обеих публикациях он защищал «территорию историка» от нелегитимного вторжения на нее представителей иных общественных наук, не имеющих необходимого профессионального опыта. Подрыв репутации оппонента был дополнен упоминанием о ранней карьере Касапович в югославском комсомоле. И в первой, и во второй столь же пространной статье Мариян проявил удивительную глухоту к аргументации оппонентов и неприятие опыта изучения «исторического ревизионизма» за пределами Хорватии, представленного Касапович. Но и она, определяя его¹⁰, проигнорировала прежние усилия постъюгославских исследователей по изучению этого феномена.

Отрицая значимость чужих примеров, Мариян неосознанно повторил аргументацию немецких ревизионистов, высказанную в 1980-е годы: сомнения в значимости понятия, поскольку историки постоянно проводят «ревизию» образов прошлого; неправомочность вмешательства неспециалистов в их работу; защиту «простых людей», которые жили под властью преступного режима, не участвуя в его злодеяниях. Уклончивая позиция Марияна легитимирована эмансипацией научного знания от какой-либо идеологии (а вопрос об общих ценностях им проигнорирован). Однако историка явно меньше беспокоят инсинуации националистов («справа»), нежели атаки леволиберального фланга: «На одной стороне преимущественно маргинализованные авторы, мотивированные семейной трагедией и фрустрацией, на другой стороне,

¹⁰«Исторический ревизионизм нелегитимен, если подразумевает реинтерпретацию определенных исторических событий или периодов, обычно “темных сторон” национальной истории, которые не основываются на новых научных изысканиях и выводах, а мотивированы идеологическими и политическими стремлениями исключить или же “высветлить” эти “темные стороны”» [21. S. 954]. Это определение, тем не менее, в общем совпадает с мнением других критиков «исторического ревизионизма» (С. Гольдштейна, Т. Кулича, С. Милошевича).

“признанные” ученые, преимущественно университетские профессора, в основном мотивированные особым политическим ангажементом, то есть принадлежностью коммунистическим структурам, и они имеют влияние на студентов исторического и других направлений, пишут колонки, книги, которые получают поддержку государства и их рекламируют релевантные медиа, создающие впечатление о мейнстриме» [20. S. 265].

«Партийная» позиция Марьяна проявилась вопреки желанию остаться внутри академических рамок, когда он более решительно, чем в первой статье, обвинил эту группу авторов в медийном «отпоре политике Туджмана на обретение самостоятельности, защиту и освобождение Хорватии, а после и в процессе детуджманизации, т.е. в попытках уничтожить или преуменьшить результаты политики Туджмана» [20. S. 255]. Поэтому обвинения в «историческом ревизионизме» Марьян более определенно охарактеризовал как способ «воспрепятствовать признанию последствий коммунистического тоталитаризма и поддержание позиции морального превосходства, которая предполагает и конкретные социальные привилегии и материальные выгоды» [20. S. 285].

Анализ историографической ситуации из содержательного или ценностного разбора переводится в социологический режим, почти в духе П. Бурдьё, где символический капитал может превращаться в материальный, а академическое поле выглядит как арена борьбы за власть. В ответе Марьяна совершенно очевидна уверенность в том, что прошлое должно служить интересам национальной государственности. Ему явно неприятна «сатанизация» НГХ, разговоры о геноциде, которые якобы только на руку сербским националистам, и гораздо интереснее разоблачение коммунистического режима, на фоне которого преступления усташей могут померкнуть. Неслучайно во второй статье Марьян сочувственно процитировал авторское предисловие к хорватскому переводу поздней иконоборческой книги Ф. Фюре. Критики «исторического ревизионизма» — либо бывшие коммунисты, подрывающие независимость государства, либо связанные с медиарынком производители сенсаций и неоправданных «разоблачений»¹¹.

Почему же «исторический ревизионизм» оказался столь значимым или столь тревожащим понятием для историков из бывшей Югославии? Для ответа на этот вопрос надо принять во внимание, во-первых, ее особое положение в ряду стран социализма и, во-вторых, крайне болезненный выход из него. Победа коммунистического движения Соппротивления в 1945 г., разрыв с Москвой (1948)¹², «особый путь» к социализму и внеблоковое положение Югославии во время холодной войны не позволили использовать в посткоммунистических интерпретациях прошлого версию внешнего насилия со стороны «красной империи». Поэтому ответственность за тоталитарный режим в странах бывшей Югославии перекладывалась на соседей, представлялась деянием отступников от национальной миссии или результатом «трагической ошибки». Мифологема антифашистской борьбы национализировалась, а интернациональный компонент из воспоминаний о ней элиминировался.

Отрезвление, наступившее после войн 1990-х, и неудовлетворенность результатами «транзита» создали условия для критической переоценки текущей

¹¹ Дискуссия, по-видимому, на этом не закончится, и на нее уже дан первый отклик: [23]. См. также подборку публикаций на ту же тему: <http://historiografija.hr/?p=21609> (дата обращения 20.08.2020).

¹² Т. Кулич заметил по этому поводу: «Антисталинизм Тито не имел национального отзвука и не мог быть инструментализирован в 1990-х» [5. S. 483].

ситуации и доминирующего отношения к прошлому. Националистическая ревизия стала водоразделом между большими группами исследователей, экспертов и публичных интеллектуалов. Одни остаются на национально-изоляционистских позициях и защищают правомочность прошедшей ревизии искажениями истории в коммунистической Югославии. Другие делают выбор в пользу транснациональной европейской памяти о геноциде и солидарности с их жертвами. Третьи пытаются придать новую актуальность югославской антифашистской идеологии для обоснования левого активизма в борьбе с любыми формами дискриминации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Marijan D.* Suvremena hrvatska povijest i nevolje s revizionizmom // *Časopis za suvremenu povijest*. 2019. Br. 2.
2. Goldstein I., Goldstein S. *Holokaust u Zagrebu*. Zagreb, 2001.
3. Goldstein I., Hutinac G. Neki aspekti revizionizma u hrvatskoj historiografiji // *Revizija prošlosti na prostorima bivše Jugoslavije: zbornik radova*. Sarajevo, 2007.
4. *Kuljić T.* *Kultura sećanja: Teorijska objašnjenja upotrebe prošlosti*. Beograd, 2006.
5. *Kuljić T.* *Prevladavanje prošlosti: uzroci i pravci promene slike istorije krajem XX veka*. Beograd, 2002.
6. *Ilić V.* *Oblici kritike socijalizma* Zrenjanin Gradska narodna biblioteka «Ž. Zrenjanin», Zrenjanin:1998.
7. *Тимофеев А. Ю.* Корни исторического ревизионизма и сохранение исторической памяти о гражданской войне 1941–1945 гг. в современной Сербии // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 2020 (в печати).
8. *Kamberović H.* *Između kritičke historiografije i ideološkog revizionizma // Revizija prošlosti na prostorima bivše Jugoslavije: zbornik radova*. Sarajevo, 2007.
9. *Petrović V.* (Ne)legitimni revizionizam: pravo i (pseudo)istoriografske revizije na zapadu i istoku // *Revizija prošlosti na prostorima bivše Jugoslavije: zbornik radova*. Sarajevo, 2007.
10. *Petrović V.* From Revisionism to «Revisionism»: Legal Limits to Historical Interpretation // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989* / Ed. by Michal Kopeček. Budapest, 2009.
11. *Миллер А. И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. № 1 (80).
12. *Karačić D., Banjeglav T., Govedarica N.* *Re: vizija prošlosti: politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine*. Sarajevo, 2012.
13. *Vuković Đ.* *Društvo u sumraku: ogledi iz političke kulture*. Sarajevo, 2019.
14. *Cipek T.* *Historijski revizionizam u Bosni i Hercegovini. Socijaldemokratska politika sjećanja između dva totalitarizma*. Sarajevo, 2019.
15. *Pred izazovima revizionističkih historiografija: regionalni kontekst: zbornik radova / Ured. M. Bešlin, H. Kamberović, A. Prekić*. Sarajevo, 2020.
16. *Antifašizam pred izazovima savremenosti / Ured. M. Bešlin i P. Atanacković*. Novi Sad, 2012.
17. *Milošević S.* *Istorijski revizionizam i društveni kontekst // Politička upotreba prošlosti: O istorijskom revizionizmu na postjugoslovenskom prostoru: zbornik radova / Ured. M. Samardžić, M. Bešlin, S. Milošević*. Novi Sad, 2013.
18. *Касьянов Г.* *Украина и соседи: историческая политика 1987–2018*. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
19. *Manolović-Pintar O.* *Javni prostor – forum ili ring? // Helsinški bilten*. Br. 153. Decembar 2019. O istorijskom revizionizmu. S. 3–5.
20. *Marijan D.* *O znanosti, ideologiji i totalitarnoj svijesti u nedovršenoj hrvatskoj tranziciji – odgovor Mirjani Kasapović // Časopis za suvremenu povijest*. 2020. Br. 1.
21. *Kasapović M.* *Povijest, povijesni revizionizam i politike povijesti // Časopis za suvremenu povijest*. 2019. Br. 3.
22. *Kasapović M.* *Genocid u NDH: Umanjivanje, banaliziranje i poricanje zločina // Politička misao*. 2018. Br. 1.
23. *Jurak K.* *Revizija revizionizma. Prilog raspravi Davora Marijana i Mirjane Kasapović – dio prvi // Portal hrvatske historiografije*. 24.04.2020. URL: <http://www.historiografija.hr/?p=20499> (дата обращения 26.04.2020).